

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

**Путешественник
из ниоткуда**

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина

Путешественник из ниоткуда

«Автор»

2008

Вербинина В.

Путешественник из ниоткуда / В. Вербинина — «Автор»,
2008 — (Амалия – секретный агент императора)

ISBN 978-5-699-26233-5

Какие только роли не приходилось играть баронессе Амалии Корф, сотруднице особой службы Его Императорского Величества! В новом деле – о пропавших чертежах, содержащих тайну государственной важности, – ей пришлось перевоплотиться в... впрочем, это пока должно оставаться для всех секретом. Особенно для провинциального полицейского чиновника со звучным именем Аполлинарий Марсильяк. Именно он обнаружил тело человека, выпавшего из петербургского поезда, но чертежей при нем, увы, не оказалось. Более того, на следующий день пропало и само тело! Марсильяку ни за что бы не решить эту головоломку, если бы за дело не взялась несравненная Амалия...

ISBN 978-5-699-26233-5

© Вербинина В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	8
ГЛАВА III	11
ГЛАВА IV	15
ГЛАВА V	19
ГЛАВА VI	23
ГЛАВА VII	27
ГЛАВА VIII	30
ГЛАВА IX	33
ГЛАВА X	36
ГЛАВА XI	40
ГЛАВА XII	43
ГЛАВА XIII	47
ГЛАВА XIV	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Валерия Вербинина

ПУТЕШЕСТВЕННИК ИЗ НИОТКУДА

ГЛАВА I

Собственно говоря, я и сам не знаю, зачем начал писать эти записки. Человек я совершенно обыкновенный и, можно даже сказать, ничем не примечательный. В звании моем нет ничего выдающегося, а проживаю в самом заурядном уездном городке, каких десятки тысяч по всей России. Я не могу похвастаться близким знакомством со знаменитостями, по крайней мере такими, о которых стоило бы писать (к примеру, конокрад Антипка Кривой, с которым я нередко сталкиваюсь по долгу службы, в некотором роде является местной знаменитостью, но вряд ли он достоин чего-то большего, чем несколько сухих строк полицейского рапорта). Я не участвовал ни в каких знаменательных исторических событиях, и великие дела, оказывающие влияние на судьбы мира, вершились не на моих глазах. Кажется, я никогда даже не попадал ни в какие истории, исключая разве что распитие бутылки шампанского по случаю поступления в университет, каковое распитие обернулось для меня разбитым стеклом и мучительной изжогой. И вот он я – сплошное «не», докучная череда докучных отрицаний: не был, не состоял, не подделывал векселей, не проживал по чужому виду на жительство, не женат, не богат и ни с какой решительно стороны не интересен. И внезапно оказывается, что мне совершенно не о чем писать.

А между тем – то ли оттого, что без конца идет тихий, морозящий, вынимающий душу дождь, то ли оттого, что все книги уже давно читаны и перечитаны, а журналы «Нива», «Новое время» и «Осколки» изучены вдоль и поперек, и делать совершенно нечего, и до конца дня еще ох как далеко, – хочется написать что-нибудь неожиданное, яркое, захватывающее, блеснуть оригинальностью мысли и новизною суждений. Но не писать же о дожде, о бесприютном северном лете, о том, что у стекла жужжит монотонно и недовольно муха, что чернила бледны, а мой почерк неразборчив, что мне тридцать два года и в последнее время я все чаще подумываю о самоубийстве.

Дождь, кажется, перестал. Хотел бы я видеть в этом хороший знак, но ведь я же знаю все наперед, и сегодняшний день будет точно такой же, как и все остальные дни. Народ потянется в трактиры, где-нибудь в лавочке, пока приказчик будет любезничать с хорошенькой зашедшей барышней, шустрая старушка стянет аршин сукна, на соседней улице извозчичья лошадь едва не задавит рассеянного гражданина, а тем временем в трактирном чаду разольется гармоника и подерутся двое купцов, которые только что клялись друг другу в преданности до гроба. И опять мне придется подсчитывать число разбитой посуды, выслушивать жалобы трактирщика Власа, призывать к порядку свидетелей и писать очередной никому не нужный протокол.

Тоска! Ах, если бы хоть раз произошло что-нибудь непредвиденное, неожиданное, поражающее воображение! Все, что угодно, только не трактирная драка и не мелкая кража в еще более мелкой лавочке. Хоть бы убийство какое случилось, что ли! Как три года тому назад, когда мещанин Игумнов уходил в пьяной драке свою любовницу, да еще потом так пытался дело представить, будто ее двоюродный брат убил из-за наследства. Но ничего, я его, голубчика, все равно вывел на чистую воду, и хоть он запирался как мог, я неопровержимо установил его вину. После того дела даже городской голова стал со мной здороваться. Два раза поздоровался, а на третий раз...

Что такое, никак шаги в коридоре? Быстрые, начальственные – слишком быстрые для Григория Никаноровича, по правде говоря. Неужели и впрямь что-то произошло? Неужели...

* * *

Все тем же стремительным, по-военному чеканным шагом он вошел в мою комнатку, и сразу же стало казаться, что в ней слишком мало места.

– Здравия желаю, ваше превосходительство!

– Ну ты бы, Аполлинарий Евграфович, бросил свои шутки, право...

Григорий Никанорович Ряжский – наш исправник. Он господин и повелитель всех обиженных мошенниками приказчиков, всех прохожих, претерпевших урон от чужих лошадей, и купцов, охочих до исправления чужих физиономий посредством рукоприкладства. Ни одно покусительство на уголовные уложения в нашем городе N не ускользает от его орлиного взора, даром что он путает статьи законов и более разбирается в висте, чем в тонкостях следственного дела. Во всех прочих отношениях Григорий Никанорович представляет собой прямо-таки образец примерного гражданина. Он высок, широкоплеч, носит пышные усы и в своем мундире (который ему весьма к лицу) выглядит не хуже какого-нибудь главнокомандующего. У него серые выпуклые рачьи глаза и добродушная белозубая улыбка. К женскому полу он неравнодушен, и женский пол платит ему горячей взаимностью. Уже лет пять Григорий Никанорович собирается жениться, и уже лет пять это ему никак не удается, хотя на сорок верст в округе нет ни единой маменьки, которая не мечтала бы видеть свою дочь госпожой Ряжской. Но всякий раз что-нибудь да срывается, и исправник, печально вздыхая, говорит, что ему, очевидно, не судьба познать всю сладость брачных уз.

Насколько я знаю, он, впрочем, прекрасно обходится и без них, коротая время то у одной, то у другой вдовушки, которые не требуют от него больше того, что он готов им дать.

Вообще Григорий Никанорович принадлежит к тем людям, которые умеют устраивать свою жизнь, и устраивают ее так, как нужно им. Его послужной список безупречен: исправник всего на три года старше меня, но, уверяю вас, я и за тридцать лет не сумею добиться того, что уже заслужил сей холеный, элегантный господин. Он умеет всем нравиться, и ему все рады. Ретрограды считают его за своего, но с либералами он всегда держится на либеральной ноге, показывая, что всякие условности – не для него. Он ни на секунду не забывает, что я тоже учился в университете, как и он, и шутливо отмахивается, когда я величаю его «превосходительством». Он знает, когда уместно быть фамильярным, а когда – проявить строгость, и я уверяю вас, что никто не может быть представительнее его, когда он распекает проштрафившегося городского.

Обыватели почтительно именуют его «наш полицмейстер», и не только из желания польстить, но и потому, что в Григории Никаноровиче и впрямь есть что-то от крупного начальника большого города. Он умеет приблизить к себе, умеет, если надо, держать дистанцию, умеет тонко польстить и вызвать на лезть; о своих заслугах, истинных или мнимых, он умеет промолчать так красноречиво, что обыкновенно получает двойную награду. Почему-то я уверен, что и взятки он берет с таким видом, словно делает одолжение дающему, который должен ощущать неловкость оттого, что посмел побеспокоить своим подношением столь почтенного и респектабельного человека.

Нет, я не отрицаю несомненных достоинств Ряжского: он не плут, не пьяница, не лицемер, не подлец; он по-своему очень умен, хотя ум у него не врожденный, а такой, который везде чего-то нахватался и методично использует накопленные знания. При всей своей лени (а в душе исправник страшно ленив, хоть и тщательно скрывает это) Григорий Никанорович умеет производить впечатление самого деятельного человека, и в первую очередь потому, что ловко находит для себя помощников, которые делают за него всю основную работу.

Еще недавно таких помощников было двое – я и Тимофей Столяров, но потом Тимофей обзавелся супругой и уехал в женино имение в Екатеринославской губернии. Случилось это

восемь месяцев тому назад, в ноябре 1883-го, и с тех пор я, оставшись в одиночестве, извел бесчисленное количество бумаги и написал множество рапортов о пострадавших прохожих, побитых женах, реже – побитых мужьях, а чаще всего – об украденном имуществе. Некоторое оживление внес приезд к мещанке Евсеевой внука-студента, по слухам, революционера и анархиста, и Григорий Никанорович уже был готов назначить за смутьяном тайный надзор, да тут выяснилось, что студент обратился к богу и готовится поступать в монахи. Монахом он, впрочем, так и не стал, потому что влюбился в цыганку и сбежал вместе с ней. Узнав о том, Григорий Никанорович долго вздыхал и качал головой – должно быть, тоже имел виды на цыганку.

– До чего же непостоянна нынешняя молодежь – никакой основательности! – заметил он, помнится, тогда.

В самом Григории Никаноровиче этой основательности было чуть ли не с избытком, не зря же его обожают женщины, уважают мужчины и даже уличные мальчишки провожают его восхищенными взорами, едва он появляется на улице.

Интересно, почему же я терпеть его не могу?..

– Ну, что новенького, Аполлинарий Евграфович?

– Ничего, Григорий Никанорович.

– Так-с.

Исправник прошелся по комнате, бросил зачем-то взгляд за окно, убедился, что вид за ним находится на прежнем месте, и на каблуках круто обернулся ко мне.

– А что там со Стариковым?

Илья Ефимович Стариков – бывший помещик, запойный пьяница, не так давно потерявший за долги свое имение и осевший в городе, – два дня назад был задержан за непотребное поведение в нетрезвом виде. По совести говоря, я удивился вопросу, потому что он был не того калибра персоной, чтобы беспокоить представительного Григория Никаноровича.

– Старикова утром отпустили. Он оплатил причиненные трактирщику Фролову убытки.

– Так-с, так-с.

Григорий Никанорович вновь вперил взор в окно, но лабазы за ним и унылая пожарная каланча, равно как и корявая вывеска «Моды парижские, лондонские и иные прочие от madame Федосеевой» никуда не хотели деваться.

– Отпустили, значит... Гм! То есть он вполне мог это совершить.

Невольно я подался вперед.

– Что совершить, Григорий Никанорович?

– Убийство.

ГЛАВА II

Краткое, звучное, вкусное слово «убийство», которое так обожают все без исключения авторы уголовных романов, вдохнуло жизнь в сырой безнадежный день. Не скрою, я почувствовал нечто вроде прилива сил. В нашем городке приключилось убийство... Значит, для меня еще не все потеряно! Я достал свою записную книжку, куда имел обыкновение заносить все самые важные дела. Последней строкой в ней стояло: «Кража белья у Прасковьи Сыромятиной...» К черту Прасковью!

– Тысяча извинений, Григорий Никанорович. Я ничего не знал, никто мне ни о чем подобном не докладывал. Я готов немедленно приступить к делу.

– Да уж, вся надежда только на вас, – вздохнул исправник, ваясь на стул. – Полагаю, впрочем, что это дело рук Старикова. Из мести...

– Где произошло убийство? – спросил я, решив до поры не придавать значения обвинениям, не подкрепленным никакими фактами.

– В лепехинском лесу.

Я нахмурился. Когда-то весь лепехинский лес, сама деревенька Лепехино и огромная усадьба с двенадцатью колоннами на фасаде принадлежали предкам Старикова, а потом ему самому. Казалось, что все имущество без особых хлопот перейдет в руки Дмитрия, единственного сына Ильи Ефимовича, но судьба распорядилась иначе. Отличавшийся на редкость склочным характером, Стариков вусмерть разругался с сыном и выгнал его из дому. Через несколько лет жизни, полной нужды и всяческих лишений, Дмитрий повесился в Петербурге, в комнатке на чердаке – ему было нечем платить за жилье, а отец, порвавший с ним все отношения, заявил, что не даст ему ни гроша, и сдержал свое слово. Однако гибель Дмитрия произвела на Илью Ефимовича ужасное впечатление. Теперь он сожалел о случившемся, раскаивался в своем жестокосердии и вдобавок ко всему начал крепко выпивать. Стариков и раньше был склонен к буйству и диким выходкам, а теперь сделался совершенно невыносимым. Люди отвернулись от него, и даже самые преданные друзья предпочли забыть о его существовании. Состояние его пошатнулось, дела пришли в полное расстройство, да и последствия 1861 года¹ не лучшим образом сказались на его благополучии. Финал истории вышел вполне закономерным и логичным: Стариков разорился и вынужден был перебраться в N, а усадьбу вместе с лесом и охотничьими угодьями приобрела семья Веневитиновых. Это были богатые, сытые, уверенные в себе люди, которых в N почему-то сразу же невзлюбили – они были приезжие, откуда-то из Вологодской губернии, муж выдавал себя за дворянина, но для дворянина он слишком хорошо вел дела, а жена его и дочь, как стало достоверно известно из самых надежных источников, выписывали себе платья из самого Парижа. Через несколько дней дочь должна была выйти замуж, а ее жених...

У меня заняло под ложечкой. Григорий Никанорович упорно избегал моего взгляда. Неужели ополоумевший от пьянства Стариков посмел поднять руку на кого-то из членов семьи, завладевшей его имуществом? Ведь недаром же исправник упомянул о мести...

Да уж, кажется, происшествие будет почище, чем убийство любовницы Игумнова!

– Кто жертва? – спросил я, поправляя очки.

Григорий Никанорович замялся, и одно это должно было подтвердить мои самые худшие предчувствия.

– Дело очень деликатное, Аполлинарий Евграфович... Я бы попросил вас проявить крайнюю осторожность.

– Разумеется, разумеется, – нетерпеливо сказал я. – Так как ее зовут?

¹ Имеется в виду крестьянская реформа, одним из последствий которой оказалось постепенное разорение помещиков.

– Кого?

– Жертву, разумеется. – Непонятливость начальника начала меня раздражать.

Григорий Никанорович вздохнул:

– Вы должны принять в соображение, что жертва занимала в доме Веневитиновых совершенно особое, я бы даже сказал, исключительное положение... Она была любимицей Анны Львовны.

Анной Львовной звали хозяйку дома. Так что, убита одна из горничных? Я терялся в догадках.

– Кхм! – Исправник выразительно кашлянул в кулак. – Непростое дело, крайне непростое, доложу я вам.

– Позвольте мне самому судить, – уже сердито сказал я. – Но вы так и не сказали мне имени жертвы.

И тут Григорий Никанорович удивился:

– Как, разве вы еще не догадались? Это Жужу.

– Жужу?

– Ну да... Любимая левретка Анны Львовны. Сегодня утром она пропала, а через несколько часов ее нашли в лесу. Кто-то задушил несчастное животное... Изверг, истинный изверг! Бедная Анна Львовна вне себя от горя. Мне пришлось пообещать ей, что убийцу непременно отыщут и примут меры. Вы уж постарайтесь, Аполлинарий Евграфович... Если и впрямь виноват Стариков, то с ним церемониться нечего. Обещаю вам, я найду на него управу!

* * *

Сырая, промозглая, отвратительная погода. Хмурое небо низко нависло над лесом, земля под ногами похожа на вязкую кашу.

Жужу! Левретка! Ах, что за невезение!

Где-то на верхушке сосны дробно и рассыпчато затрещал клювом дятел, в другой стороне тоскливо закричала какая-то птица. Холодные капли недавнего дождя и всякая дрянь летят в меня с деревьев, заклепывая очки.

Судьба, за что ты так гонишь меня? Неужели ради этого я несколько лет учился в Петербурге? Учился, между прочим, неплохо, лучше многих – а ведь учеба давалась мне нелегко, приходилось голодать, давать копеечные уроки... И все ради того, чтобы в один прекрасный день, будь он неладен, очутиться в промозглом лесу в поисках безвестного злодея, жестоко задушившего какую-то собачонку?

Венец карьеры! Мечта каждого порядочного кандидата прав! Да мои коллеги в обеих столицах прямо-таки лопнут от зависти. Газетчики на улицах будут надрываться: «Сенсационное происшествие! Убийство собаки Жужу! Ужасная драма в N! Подробности только у нас! Купите, не проходите мимо!»

Я споткнулся и едва не упал. Уже некоторое время я двигался через лес без всякой цели. Злость, душившая меня, все искала выхода и не находила. Проклятый Григорий Никанорович! Проклятый город N! Проклятая моя жизнь!

Как же я надеялся в молодости, как мечтал, что она не будет похожа на тупое, бесцельное существование сотен миллионов... Боже, боже! Ведь есть же где-то и Париж, и Лондон, и залитые тысячью огней театры, и бесшумные кареты на каучуковых шинах, умные лица, разговоры, дающие пищу для души, картинные галереи, дворцы, в каждой мраморной трещине которых застыла морщина веков... Ведь есть же, есть где-то настоящая, неподдельная жизнь, где есть место и красоте, и дружбе, и пленительной мечте... Вечером театр, где играет Сара²,

² Сара Бернар, знаменитейшая актриса того времени.

опера с итальянским тенором, забыл его фамилию, днем работа, имеющая смысл, нужная тебе и окружающим людям, работа, за которую можно снискать уважение и за которую не стыдно, а не это – скучные бумажки, кража белья у прачки, муха, бьющаяся в мутное стекло... Это я – муха, и жизнь моя – стекло, за которым мне грезится сказочный вид... но не попасть мне туда никогда. Слишком прочно стекло, и нет никакой надежды.

«Застрелюсь», – привычно подумал я, счищая грязь с калош. Что ж, оружие у меня есть. Все равно нет никакого смысла изо дня в день видеть все это: мерзкую погоду, «моды парижские и лондонские», сизые лица пьяниц и хитро-подобострастные – мелких воришек. Умереть. Поставить точку. Ну закопают за церковной оградой – так не все ли равно, где гнить? И Григорий Никанорович, сойдясь с городским головой Шукиным за вистом, скажет:

– Наш-то... слышали, что выкинул? Не ожидал я от него такого, не ожидал.

– Ну и дурак же он, ваш помощник, – пожмет плечами Шукин. – Сдаете?

Н-да, умереть для того, чтобы какой-то меднолобый болван счел вас дураком, – перспектива не слишком заманчивая, признаюсь. Но для чего же жить? Жить-то для чего?

Я остановился и, протерев очки, огляделся. Деревья обступали меня глухой враждебной толпой. Где-то в вышине тоненько вскрикивала какая-то птица, а через несколько мгновений подала голос кукушка.

До сегодняшнего дня я и не подозревал, что до такой степени не люблю леса. Возможно, виною тому было состояние, в котором я находился, – не знаю. Чтобы успокоиться, я решил закурить и, достав коробок, стал искать сухого места на одежде, чтобы зажечь спичку. Однако мой сюртук промок насквозь, да и остальное находилось не в лучшем состоянии. И в довершение ко всему с неба вновь начал накрапывать дождь.

Я спрятал спички и отвел душу в крепком ругательстве. Не помогло. На мгновение мне захотелось вернуться в город, арестовать Старикова, заставить его сознаться в убийстве собаки и тем самым покончить с утомительным делом, но я тотчас же отогнал от себя такую мысль.

Когда студент медицины наконец получает право стать врачом, он дает известную клятву, в которой, помимо прочего, есть и слова: не навреди. Так вот, человек, отправляющий правосудие, тоже должен бы давать клятву, подобную врачебной. И там, и тут на карту зачастую поставлены человеческие жизни, и уже задолго до приезда в N я решил, что никогда не стану использовать свое положение для того, чтобы оговаривать невинных.

Итак, получив задание от Григория Никаноровича, я битых полчаса пытался убедить его в безнадежности затеи. Прежде всего убийство животного есть дело неподсудное, и, даже если Стариков и решил таким образом отомстить Веневитиновым за то, что они лишили его имени, ему это должно быть отлично известно.

– Аполлинарий Евграфович, дорогой, – успокоительно молвил исправник, – я все помню. Но дело в том, что убийство произошло на земле Веневитиновых, и, стало быть, по букве закона мы сможем задержать Старикова за то, что он осмелился вторгнуться в частные владения.

Тут я, каюсь, попытался напомнить Григорию Никаноровичу о накопившихся делах, о краже у прачки Сыромятиной, каковая представляет собой событие куда более важное... Сам не знаю, как я ухитрился не покраснеть, произнося последние слова.

– Про прачку, кстати, рассказывают, что она сама продала белье, чтобы завлечь одного лабазника, – отозвался всезнающий Ряжский, – и я убедительнейше прошу вас проверить данную версию. Но только после того, как вы отыщете убийцу Жужу.

С тоской в душе я откланялся и вышел. А что еще мне оставалось делать?

ГЛАВА III

Вскоре я был уже в имении Веневитиновых и смог приступить к обстоятельному допросу. Задуманную собаку около полудня обнаружил старший сын хозяев, двенадцатилетний Павлуша. Он сразу же побежал доложить маменьке, с которой приключилась настоящая истерика. Она с утра искала свою любимую собачку, но даже предположить не могла, что у кого-то поднимется рука на бедное животное.

– Что за народ в здешних краях, что за народ! – восклицала она, полулежа на софе. Мне Анна Львовна даже не предложила сесть, и поэтому я остался стоять на ногах. – Моя Жужу, мое сокровище! Я не удивлюсь, если у вас тут проживают одни каторжники.

– Уверяю вас, госпожа Веневитинова, – сказал я, – у нас тут очень тихое место.

– Небось каждый месяц убийства и грабежи, – поспешил поддержать супругу Веневитинов. – Не так ли, месье Марсильяк?

Хотя сам я считаю себя русским, но фамилия у меня французская, и досталась она мне в наследство от какого-то виконта, бежавшего в Россию при Екатерине от ужасов революционного террора на своей родине. Виконт был моим прадедом, и я помню, как видел в детстве высокого сухопарого старика, очень прямого, с прекрасными седыми волосами ниже плеч, одетого по моде своей молодости, которой он упорно не желал изменять. Виконт был довольно богат, но его огромный дом, полный статуй и пыльных картин, а также большая часть его состояния отошли его второй жене, на которой он женился, когда ему было уже за восемьдесят. Моему же деду, а затем и отцу досталось куда меньше, а когда очередь дошла до меня, то я обнаружил, что на мою долю выпали только воспоминания, звучная фамилия и несколько старинных вещей, не представляющих особого интереса для торговцев. Фамилия, конечно, была слишком звучной для провинциального полицейского чиновника, что я отлично сознавал.

В ответ на слова Веневитинова я повторил, что N – очень спокойный городок и что я отвечаю за свои слова, потому что все происшествия в городе проходят через меня. После чего Анна Львовна метнула на супруга чрезвычайно иронический взгляд. Это была красивая женщина, еще молодая – ей не сравнялось и сорока лет, – шатенка, полноватая, круглолицая, с маленьким пухлым ртом и вздернутым носиком. Она питала явное пристрастие к белому цвету, который был ей к лицу и выгодно подчеркивал ее молодость. Тем не менее я заметил, что платье Анны Львовны хоть и притягало на обманчивую простоту, но каждой складкой словно говорило, кричало, напоминало о потраченных на него деньгах. Что же до супруга хозяйки, Андрея Петровича, то он состоял из широкой красной шеи, добродушной улыбки под щеточкой усов и серых глазок, которые, хоть и притворялись дружески расположенными, тем не менее хранили весьма плутовское выражение. Поневоле я заключил, что Андрей Петрович – человек весьма себе на уме и вообще тонкая шельма, по выражению нашего N-ского брендмейстера Суконкина.

– Я так и думала, что вы будете защищать жалкого старого пьяницу Старикова, – бросила Анна Львовна высокомерно. – Он же бывший помещик и, кажется, одно время даже состоял уездным дворянским предводителем.

– Сударыня, – терпеливо сказал я, – я никого не защищаю, а пытаюсь прояснить дело. Позвольте вас спросить: что заставляет вас думать, что собаку убил именно он? Кто-то видел его сегодня возле усадьбы?

Анна Львовна хотела что-то сказать (судя по выражению ее лица, должно быть, что-то весьма сердитое), но муж ее опередил.

– Лично я полагаю, – заметил он вкрадчиво, – что поиск доказательств – ваше дело, уважаемый. Разве я не прав?

– В самом деле, – плаксиво промолвила Анна Львовна. – Сегодня этот человек задушил Жужу, а завтра он может убить Павлушу или меня.

– Какие глупости ты говоришь, мой ангел, – снисходительно улыбаясь, отозвался Андрей Петрович.

– А что? – запальчиво возразила Анна Львовна. – Он ненавидит нас, потому что теперь мы владельцы всего его имущества. Такие люди на все способны.

– Ну что ты, – успокаивающе молвил Андрей Петрович, взяв ее руку и целуя пальцы жены один за другим. – Я ему не позволю. Пусть только попробует огорчить моего ангела, и я пристрелю его, как бешеную собаку. – И он мило улыбнулся.

Мне стало ясно: от Веневитиновых ничего не добиться. Они считали, что Стариков задушил собаку из мести, просто потому, что, как сказала Анна Львовна, больше никто не мог этого сделать. Я откланялся и отправился опрашивать свидетелей.

Павлуша, сын Веневитиновых, нашедший мертвую собаку, сообщил: Жужу лежала неподалеку от берега озера, и он сначала даже не понял, что с ней что-то случилось. Лепехинское озеро расположено между усадьбой и лесом, и по моей просьбе мальчик отвел меня на место преступления.

– Мы играли с Колей в прятки, – рассказывал Павлуша (Коля был его младший брат семи лет от роду). – Я сошел с тропинки, хотел спрятаться в кусты, и вот тут... тут она и лежала. Я ее позвал, а она не откликнулась.

– Ты кого-нибудь видел?

– Нет, никого.

Маленький Коля тоже никого не видел. Для очистки совести я опросил всех, кто присутствовал в доме. Но мысли хорошенькой, легко краснеющей Елены Веневитиновой, дочери хозяев, которая готовилась выйти замуж, были заняты только предстоящим важным событием. Мадемуазель Бланш, гувернантка, вроде бы видела кого-то, но ни в чем не была уверена. Горничные, лакеи, повара, дворецкий, словно сговорившись, ничем не хотели помочь следствию в таком важном деле, как раскрытие убийства левретки Жужу. Лощеный Анатолий Федорович Головинский, учитель верховой езды, сказал мне то, о чем я сам уже давно думал, – что я занимаюсь совершенной чепухой. И только экономка Ирина Васильевна, седоволосая, немолодая, рассудительная женщина, сумела вселить в меня некоторую надежду.

– Убийство собаки, господин Марсильяк, есть жестокость и есть глупость. Может быть, это и в самом деле месть, не знаю. Веневитиновы многим успели насолить.

– Кому, например? – насторожился я. Ирина Васильевна метнула на меня пытливый взгляд.

– Взять хотя бы господина Зацепина. Он был здесь управляющим при бывшем хозяине.

– Да, и, насколько мне известно, довольно успешно его обворовывал.

– Вот видите... А новые господа его сразу же выставили за дверь и расчета не дали. Андрей Петрович так прямо ему и заявил – скажи спасибо, шельма, что мы тебя под суд не отдали.

– Вот как? Интересно.

Экономка нерешительно посмотрела на меня.

– Вам еще что-то известно? – быстро спросил я.

– Так, ничего, – пожала плечами Ирина Васильевна. – Третьего дня тут бродил один человек, кривой такой.

«Антипка-конокрад», – сообразил я.

– По-моему, он хотел увести одну из лошадей. Но Анатолий Федорович его поймал.

– Учитель верховой езды?

– Да. Говорят, – Ирина Васильевна понизила голос, – что Андрей Петрович пересчитал ему все ребра. Я имею в виду, не учителю, а...

– Я понял. Скажите, Ирина Васильевна, а сами вы что думаете обо всем этом? Кто же все-таки удавил собаку?

– Дети, – ни мгновения не колеблясь, ответила экономка.

– Какие дети? – изумился я.

– Хозяйские. Павлуша и Николенька. Просто так, для забавы, я полагаю.

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы осмыслить ее заявление.

– По правде говоря, они не произвели на меня впечатления монстров, способных... – начал я.

Экономка пожала плечами.

– А все потому, что вы не видели, как они топили котенка и смеялись, – сказала она. – Наверняка они удавили собаку, а потом испугались и решили представить дело так, будто сами тут ни при чем.

– Ясно, – пробормотал я. Честно говоря, голова у меня уже шла кругом. – Скажите, Ирина Васильевна, а посторонних возле дома вы не видели?

– Нет, – безмятежно ответила она. – И мне очень жаль, что не могу дать вам ответ, который вас устроил бы.

Я отправился к Павлуше, который чинно читал книжку под присмотром мадемуазель Бланш.

– А правда, что ты котят топишь? – спросил я.

– Ну и что? – фыркнул мальчик. – Их бы и так утопили, без меня. И вообще, папа говорит, что лишним в жизни не место.

В комнату заглянул Андрей Петрович.

– Ах вот вы где! – воскликнул он, заметив меня. – Ну как ваше расследование, продвигается?

– Нет, к сожалению, – отозвался я. – Я опросил всех в доме, но никто не видел сегодня поблизости Старикова.

Андрей Петрович вздохнул. А когда я вышел в коридор, он одной лапищей обхватил меня за шею, другой же сделал попытку засунуть мне в карман конверт с деньгами. Я с отвращением стряхнул его руки и отскочил.

– Ну что за китайские церемонии, батенька, что за церемонии... – просипел он, и уже никакой дружелюбности не было и в помине в его холодных серых глазках. – Битых два часа вы тут без толку слоняетесь... Зачем? Посадите под замок старого дурака, и дело с концом.

– А вы не думали, что собаку убили ваши сыновья? – решился я на запрещенный прием. – Раз детишки котят топят, так почему бы и собаку не прикончить?

– Глупости, глупости вы говорите, – отмахнулся Андрей Петрович. – Обидеть Жужу, любимую собаку матери? Они же обожают свою маменьку, как можно причинить ей такое горе! Нет, вы все-таки запирайте Старикова, а с вами мы потом сочтемся. Непременно сочтемся! – крикнул он мне вслед.

Я был рад покинуть наконец дом. Однако дело зашло в тупик (да и, пожалуй, вообще из него не выбиралось), и для очистки совести я решил еще раз осмотреть место гибели собаки. Как и следовало ожидать, ничего нового я там не обнаружил. Время шло к четверем часам, и я только сейчас понял, что устал и проголодался. Подумал: по дороге до города версты четыре³, но если пойти через лес, то получится короче. И я решил срезать путь, а заодно осмотреться – вдруг удастся найти хоть какие-нибудь следы неизвестного злоумышленника.

Шагал и одновременно размышлял. Дети вполне могли соврать, Старикова в окрестностях никто не видел... Однако если не видел, то не значит, что его и не было. «Но и не значит, что он был», – одернул я себя. Управляющий Зацепин? Да нет, убивать собаку – как-то мелко.

³ 1 верста равняется 1,06 километра.

Хотя он как раз и есть мелкий подлец. Он? Не он? Да еще Антипка Кривой тут ошивался... Этот малый очень высокого о себе мнения, вряд ли ему понравилось, что его поймали и порядком отделали. «И все-таки учитель верховой езды прав: я занимаюсь чепухой», – обреченно подумал я через пару сотен шагов.

Вновь начал сыпать мелкий дождь, и я продрог до костей. Вдобавок ко всему вдруг обнаружил, что, кажется, заблудился. Лес никак не желал кончаться, я двигался наобум и вскоре потерял всякое представление о том, где нахожусь. Мокрые ветки деревьев хлестали меня по лицу, и мне приходилось каждую минуту снимать и протирать очки. Тем временем дождь утих, но для того только, чтобы через несколько минут возобновиться с новой силой.

Какая-то темная птица, вероятно сова, снялась с ветки и бесшумно пролетела прямо перед моим лицом. Я отшатнулся. Мысли мои уже давно были самые невеселые. «Если я взял неверное направление, то все равно должен выйти к деревеньке Лепехино... Там найму кого-нибудь, чтобы вернуться в город. Может, подать в отставку? Но на что я тогда буду жить? Эх, прадедушка Марсильяк, прадедушка Марсильяк... Хорошо было бы выиграть в лотерею... Нет, вздор и самообман. Сегодня убийство левретки, а завтра, чего доброго, мерзавец Ряжский пошлет меня расследовать убийство попугая соседской кошкой... Когда же ты замолчишь, проклятая? Всю душу измучила».

Последние мои мысленные слова относились к кукушке, которая никак не унималась. Неожиданно она умолкла, и в то же мгновение я услышал далекий гудок паровоза. Тут уж не удержался и выругался снова.

Итак, вместо N, вместо деревеньки Лепехино меня угораздило притащиться к самой железной дороге, которая огибает бывшие стариковские земли и, не задерживаясь, уносится вдаль, увлекая счастливых пассажиров в далекий и манящий город Санкт-Петербург. Ах, столица, столица, увижу ли я тебя когда-нибудь вновь?

Я попытался собраться с мыслями. Да нет, не может быть, чтобы я вышел к железной дороге. Местный лес я знаю плохо, но все-таки знаю. Чтобы попасть туда, где проходит дорога, нужно прямо-таки анафемское невезение.

Деревья впереди поредели. Я услышал гул приближающегося поезда и медленно, очень медленно двинулся вперед. Глупец я, глупец! А еще хвалился, что знаком с лесом!

С гулом, с рокотом петербургский поезд на громадной скорости промчался мимо. Я увидел только его хвост, исчезающий за поворотом. В боку у меня надсадно кололо.

Немного отдышавшись, я решил двинуться обратно через лес, благо дождь прекратился совершенно, но тут мое внимание привлекло нечто, лежащее возле железнодорожной насыпи.

Это было тело человека.

ГЛАВА IV

Я снял очки и привычным жестом стал протирать их. В высокой траве застрекотал кузнецик, вскоре к нему присоединился еще один. Померещилось, наверняка померещилось, устало размышлял я, просто в последнее время я слишком много думал о трупах, вот и результат. Наверняка какая-нибудь тряпка вылетела из окна вагона и теперь лежит там, у подножия насыпи, издали производя впечатление бесформенного тела. Достаточно порыва ветра, чтобы она лениво заколыхалась, ворочаясь на месте. И тогда даже мое воображение не признает в скомканной занавеске или скатерти завязку многообещающего расследования.

Ветер налетел, пошевелил верхушки трав и раскидистые лопухи, но возле насыпи ничего не изменилось – бесформенная груда по-прежнему темнела среди высоких стеблей донника. Невольно я насторожился. Я был совершенно убежден, что вижу перед собой не более как замызанную тряпку, но что-то – возможно, пресловутое полицейское чутье – упорно мне нашептывало, что передо мною труп. Проверить это можно было только одним способом, и, поправив очки, я решительно двинулся вперед.

За десять шагов я уже различал скрюченные пальцы, шагов за пять стали видны и испачканные кровью волосы. Голова была повернута под неестественным углом, и я вынес заключение, что бедняга сломал себе шею, когда летел по насыпи. Над его лицом вилась, деловито жужжа, толстая оса.

На всякий случай я проверил пульс – его не было. Кровь все текла и еще не успела свернуться, а тело почти не остыло. Не требовалось быть Леоком⁴, чтобы сообразить, что бедняга выпал из того самого поезда, который всего несколько минут тому назад весело пропыхтел мимо меня. Я посмотрел на часы, достал записную книжку и отметил в ней время.

«Скорее всего, заурядное дело... Человек вышел на площадку покурить, наклонился слишком низко... или поскользнулся... Бывает».

Я внимательнее посмотрел на незадачливого курильщика. Это был рыжеватый мужчина лет двадцати восьми – тридцати в почти новой паре⁵ табачного цвета и тупоносых ботинках. Блестящие запонки обличали претензию на щегольство, на мизинце красовался перстень с камнем, в точности похожим на стекло. Но не подобные мелочи заинтересовали меня (их мой взгляд отметил машинально), а синяки, которые я только что различил на шее неизвестного и которые как две капли воды походили на следы пальцев.

Оса начала меня раздражать, и я отогнал ее. Если неизвестный просто вышел покурить, откуда же столь характерные пятна? Они могли появиться, только если имела место попытка убийства. Да, только так. Лежащий сейчас передо мной мужчина схватился с кем-то, и противник толкнул его с поезда. Кроме того, присмотревшись, я заметил другие следы недавней схватки, которые нельзя было объяснить неудачным падением – частично оторванный воротничок рубашки, отсутствующую пуговицу и содранную на костяшках пальцев кожу.

Все свои наблюдения я занес в ту же книжку, а сбоку приписал: «Убийство», подчеркнув слово двумя жирными чертами.

Нужно было немедленно возвращаться в город, дать знать исправнику о происшедшем, вызвать понятых, доктора, осмотреть место преступления и сообщить о случившемся в управление железных дорог. Однако оставалось еще одно дело, не терпящее отлагательства, – следовало установить личность убитого. И я стал осматривать карманы жертвы. В них обнаружили: платок, пахнущий флерд-оранжем, зубочистки в позолоченном футляре, ключ, горсть семечек, дамское зеркальце, сложенное вчетверо объявление о прибытии в столицу какого-то

⁴ Знаменитый сыщик, герой романов Э. Габорио, чрезвычайно популярных в то время.

⁵ Костюм (выражение эпохи).

цирка, записка с четырьмя грамматическими ошибками, подписанная: «Навеки твоя Китти», и наконец, то, что я искал, – паспорт на имя Петровского Ивана Сергеевича, проживающего в Санкт-Петербурге, дворянина тридцати одного года от роду, вероисповедания православного. Вот кто, оказывается, нашел безвременный конец на железнодорожной насыпи где-то между Первопрестольной и городом, в котором он жил.

Среди авторитетов сыскного дела бытует мнение, что своевременное установление личности потерпевшего составляет половину успеха расследования, так что, найдя паспорт жертвы, я в некотором роде воспрянул духом. Я больше не сердился на легкомыслие Григория Никаноровича, пославшего меня разыскивать убийцу домашней собаки. Ведь, если бы не он, я бы никогда не оказался здесь, у насыпи, и, если бы не моя расторопность, не исключено, что погибшего беднягу хватились бы только по прибытии поезда в Петербург, а если бы на вокзале никто его не встречал и никто из близких не подозревал о его прибытии, то прошло бы еще больше времени, прежде чем кто-нибудь догадался бы начать наводить справки. Впрочем, мне незачем казаться выглядеть лучше, чем я есть на самом деле. Сознаюсь, в тот момент я пекся не только об интересах расследования, которое требует, чтобы каждому убийце воздали по заслугам, но и о своем собственном будущем. Мне опостылел N и еще больше опостытели его жители. Может быть, благодаря безвестному Петровскому мое существование заметят, меня отличат за усердие и переведут... да хотя бы в губернское полицейское управление. Все равно будет лучше, чем унылая служба в N.

Преисполненный самых сладких мечтаний, я сунул паспорт в карман и непривычно быстрым шагом зашагал обратно в лес.

* * *

– Григорий Никанорович, я его нашел!

– Ну конечно же, нашли, я очень рад за вас. Завтра, завтра поговорим. Честно говоря, я уже устал сегодня от переполоха из-за этой собаки.

– Нет, Григорий Никанорович, вы меня не поняли! Я говорю вовсе не об убийстве Жужу. Я нашел труп!

– Что?

– Нашел убитого. В лепехинском лесу, возле железной дороги.

– Как? Когда? Так что, он убил Жужу?

– Да при чем тут Жужу, Григорий Никанорович! К черту собаку! Видите ли, в чем дело: мужчина ехал в петербургском поезде...

Седьмой час вечера, исправник мысленно уже не в присутствии, а дома. Он безукоризненно одет – по правде говоря, слишком безукоризненно для человека, который собирается провести вечер у себя. В N судачат, что очередной жертвой его обаяния стала Марья Петровна Шумихина, хозяйка местной гостиницы, но сам Ряжский на все расспросы предпочитает хранить загадочное молчание. Кажется, он обескуражен моим приходом, который нарушает его планы, однако я не обращаю внимания на его нетерпение, на его явное желание отделаться от меня как можно скорее и скороговоркой, взяв хлеб излагаю суть дела.

– Голубчик... – бормочет Григорий Никанорович. – Ну ей-богу же... Вы уверены, что человек точно мертв?

– Шея у него сломана, он не дышал, и пульса тоже не было. Чего же более?

– Ах, как скверно! – Григорий Никанорович всплеснул руками. – Как скверно, господа! Второе убийство за три года... Так вы говорите, он не местный?

– Нет, нет. Кроме того, я захватил его паспорт. Он проживает в Санкт-Петербурге. Григорий Никанорович, надо бы понятых, да перевезти тело... Не может же он там оставаться.

– Да, да, – бормочет исправник, избегая моего взгляда. – Значит, говорите, свалился с петербургского поезда?

– Он не сам свалился. Все следы указывают на то, что перед смертью имела место ожесточенная драка.

– И зачем вас понесло к железной дороге? – вздохнул Григорий Никанорович. – Вот не понимаю, ей-богу, не понимаю...

– Совершенно случайно так получилось. Григорий Никанорович...

– И возни-то теперь не оберешься, – не слушая меня, продолжал исправник. – Надо телеграммы давать о случившемся, то да се...

– Я уже распорядился, Григорий Никанорович.

Мои слова произвели на начальника самое удивительное действие. До той поры он стоял у окна почти спиной ко мне, но, услышав, что я уже сообщил о случившемся по телеграфу, круто развернулся и смерил меня желчным, недобрый, прищуренным взглядом.

– Распорядились? А кто вам давал такое право, милостивый государь?

– Но ведь произошло убийство!

– Убийство или нет, надо разобраться, а пока все ваши домыслы... Что тут еще? – Он взял паспорт потерпевшего, который я держал в руках, и бегло просмотрел. – Так... Петровский Иван Сергеевич... хм, ну положим... Каким классом он ехал?

Я удивился:

– Классом?

– Ну да. Вот вы говорите: Петровский, Петровский... А что за персона такая, что она собой представляла, вот что я хотел бы знать.

– Я не знаю, каким классом он ехал, – признался я. – Я не нашел при нем билета.

– Чудак, – буркнул Григорий Никанорович. – Однако вы сразу же решили, что он ехал на поезде... что его убили... Может, он самоубийца какой-нибудь, откуда мы знаем! Или вообще сумасшедший...

Я молчал, но, должно быть, мое лицо было красноречивее любых слов. Исправник умолк и нахмурился.

– Словом, пока я не вижу в этом деле ничего, кроме... Да, ничего, кроме! Кстати, вы нашли убийцу?

– Боюсь, у меня не было такой возможности, – отвечал я, кашлянув. – Полагаю, впрочем, что тот, кто его убил, ехал с ним в одном поезде...

Григорий Никанорович недовольно покрутил головой.

– Я вас не о Петровском спрашиваю, а о Жужу.

– Вы шутите?!

– Никак нет, милостивый государь... Ну так что же? Кто придушил собачку?

– Дети, – брякнул я наобум. – Павлуша Веневитинов и его братец Николенька.

– Ну что за человек, боже мой... – забормотал исправник чуть ли не со слезами на глазах. – Что вы за человек, Аполлинарий Евграфович! Анна Львовна... добрейшая душа, устраивала благотворительный вечер с лотереей-аллегри⁶... А вы хотите, чтобы я сказал ей такую гадость? Постыдились бы, ей-богу... Арестовали бы Старикова, и дело с концом. Все равно пропащий человек, пьяница, и нет от него никакого проку... А вы-то хороши! То детишки у вас живодеры, то убийства какие-то... – Он устало повалился в кресло. – Как вы меня фразироваете, глубокоуважаемый Аполлинарий Евграфович...

Глядя на размякшего, расплывшегося в кресле Рязского, я внезапно понял, что в нем пропадает первоклассный актер. По крайней мере, в то мгновение интонации у него были типично актерские.

⁶ Лотерея с моментальным розыгрышем призов.

– Черт знает что такое, – устало молвил он, глядя на часы. – Ладно... Дело с Жужу я сам улажу. Должен же был я догадаться, что вы не станете дипломатничать...

– Ваше превосходительство...

– А убитым мы с вами завтра займемся. Да, завтра. Прямо с утра и отправимся. Всего доброго, Аполлинарий Евграфович.

– Но... Григорий Никанорович!

– Час уже поздний, работа на сегодня окончена, а посему надо и немного отдохнуть. Ведь нельзя же все время работать, в самом деле... До завтра, милостивый государь.

– Но... но...

– Завтра, завтра, все завтра. – Он уже поднялся с кресла и, мягко, но настойчиво взяв меня за локоть, выпроваживал прочь. – И не переживайте вы так, Аполлинарий Евграфович. Труп ваш все равно никуда не убежит, обещаю вам. И вам, кстати, полезно немного отдохнуть. Вон вы какой с лица бледный... А все нездоровый образ жизни, голубчик. Беречь себя надо, не то до срока – хоп! – и туда, откуда не возвращаются. Ну, до свидания. Завтра мы с вами займемся новым делом.

И так ему хотелось поскорее от меня избавиться, что он собственноручно затворил за мной дверь.

ГЛАВА V

– Н-но! Пошла!

В глазах у меня мельтешат солнечные блики. Впервые за последние несколько недель стоит ясная погода, и солнечные лучи бьют мне прямо в очки, заставляя жмуриться и прикрывать глаза рукой.

– Н-но, родимая!

Наша экспедиция снаряжена на славу. Возглавляет отряд сам исправник на лихой гонимой лошаденке. За ним едет урядник Онофриев, рябой от пьянства, с сизым носом, но тем не менее пользующийся необыкновенным успехом у прекрасной части населения N. Я и доктор Соловейко примостились на подводе, на которую потом будем переносить труп. Доктор – очень спокойный, седоватый, благообразный господин в золотом пенсне. По роду своих занятий он знает все обо всех, но сам живет замкнуто, в пристрастии к сплетням не замечен и держится всегда с невозмутимым достоинством, внушающим уважение. По-моему, он немного презирает окружающих, но воспитание не позволяет ему показывать свое отношение. Я тоже стараюсь держать все в себе, но уже в университете один из преподавателей заметил мне, что у меня все на лице написано и что мне стоило бы поучиться лучше скрывать свои чувства. С тех пор я много раз пытался последовать его совету, но, похоже, у меня это получается с переменным успехом. Я не люблю людей, и, кажется, меня они тоже не любят. В своей жизни я, конечно, был глубоко привязан к отдельным людям, но только к отдельным; человечество *en masse*⁷ не внушает мне особого уважения, а избранная мной профессия, которая, как никакая другая, позволяет видеть изнанку человеческой натуры, способна искоренить и последние крохи доверия и симпатии к нему. Слишком редко проявляются в людях на деле благородство, честность, душевная чистота, о которых они так любят порассуждать на досуге. Да что там благородство – даже обыкновенного здравого смысла от них не дождеешься. Что стоило хотя бы тому же Старикову жить в ладах со своим единственным сыном? Так нет же, непременно ему надо было начать самодурствовать, сыпать угрозами и проклятиями, и все ради того, чтобы только сжить несчастного молодого человека со свету. Я думаю о Старикове, потому что Григорий Никанорович, когда мы выезжали из N, сказал мне:

– А Старикова я все-таки велел задержать. Нехорошо, нехорошо он с собачкой обошелся... Когда покончим с вашим делом, вы уж, будьте добры, займитесь им.

Если бы Стариков по-прежнему был помещик, да уездный дворянский предводитель, да богат, да почитаем, черта с два Ряжский посмел бы отзываться о нем в таком тоне... Наоборот, кланялся бы, справлялся о здоровье, желал бы всех благ да настойчиво зазывал на вист к Щукину. Но – был помещик, и нет его, осталась одна полупьяная тень, а значит, можно больше и не церемониться. Я не испытываю к старому самодуру никакой симпатии, но если мы сейчас возбудим против него уголовное преследование (а по всему выходит, что Веневитиновы настроены серьезно), то он ведь добьет его. Добьет...

Ах, черт побери! И почему я всегда принимаю все так близко к сердцу?

Воротничок становится мне тесен, и я дергаю шеей, чтобы ослабить его. В траве стрекоз чут кузнечики. Подвода тащится по дороге, огибающей лес. Мой спутник Соловейко ладонью прихлопывает докучного комара, вздумавшего полакомиться докторской кровью. Внезапно до нас доносится чей-то серебристый смех, и навстречу нам выезжает Элен Веневитинова, сидящая в амазонке верхом, и с нею – какой-то темноволосый молодой человек с черными щегольскими усиками.

– Доброе утро, господа! Здравствуйте, Григорий Никанорович!

⁷ В массе, целиком (*франц.*).

Она смеется, она сияет. Всего через несколько дней – ее свадьба, и говорят, что из Петербурга уже выписан повар-француз, будто бы заправлявший на вечерах самого принца Ольденбургского. Гостей приглашено бесчисленное множество – само собою, только тех, кто достоин приглашения, в отличие от вашего покорного слуги. Кроме того, стало известно, что стариковское имение после замужества отойдет в собственность Елене Андреевне как часть ее приданого. О самом приданом ходят самые несообразные слухи: не то пятьдесят тысяч, не то сто... Неудивительно, что она так лучезарна, так смеется, запрокинув голову, и так смотрит на своего спутника.

– Ее жених, – сообщает мне вполголоса доктор Соловейко, кивая на молодого человека с усиками. – Аверинцев Максим Иванович. Да-с! Петербургская штучка, нам не чета...

И правда, он едва удостоивает нас приветствия. Но я легко прощаю ему неучтивость – очень уж приятно видеть влюбленную, юную и сияющую Элен Веневитинову рядом с ним. Они и впрямь прелестная пара, даже если что-то и нашептывает мне, что женится Максим Иванович на ней не только ради нее самой...

– Куда собираетесь, господа? – весело спрашивает она.

Исправник смущенно крикает, но урядник Онофриев, привыкший всегда отвечать на поставленный вопрос и светским тонкостям не обученный, зычным голосом рапортует:

– По долгу службы, сударыня. Господин Марсильяк вчера тело у насыпи обнаруживши, стало быть, мы и...

– Замолчи! – выразительно шипит Ряжский. Но уже поздно. На хорошенькое оживленное личико Елены набегают тень.

– Как? Что? Неужели убийство?

Исправник бросает на меня такой взгляд, словно виновник убийства – я один. Несмотря на его взгляд, я прихожу ему на помощь:

– Мы еще не знаем, мадемуазель. Похоже, кто-то выпал из петербургского поезда. Там совсем рядом железная дорога.

– Поезда нынче вообще вещь опасная, – заявляет Аверинцев с таким видом, будто сказал нечто умное. В профиль в нем есть что-то хищное – не то от хорька, не то от куницы.

Доктор Соловейко улыбается и прихлопывает очередного комара.

– Ах, ужасно, ужасно... – бормочет Елена.

– Что же тут ужасного, мадемуазель? – возражает Григорий Никанорович. – Такая, значит, судьба была у этого бедняги... В столице подобные случаи чуть ли не каждый месяц случаются... даже роман про это написали, помнится...

Но Елена Андреевна упрямо качает своей прелестной русой головкой, увенчанной светлой шляпкой с множеством цветов.

– Нет, нет, вы не понимаете... Дурная примета... очень дурная. Особенно накануне свадьбы...

Аверинцев на долю мгновения как-то цепенеет в седле, и по его взгляду я убеждаюсь, что был прав насчет этого молодчика. В дело, однако, вступает доктор Соловейко.

– Елена Андреевна, ну вы ведь уже не маленькая, чтобы верить приметам. Посудите сами: какая связь между гибелью какого-то постороннего человека и вами? Ну несчастный случай, что ж тут поделаешь... Вы-то тут при чем?

– В самом деле, – поддержал его Максим Иванович. – Стоит ли забивать себе голову всяким вздором...

Однако невеста не слушает его. Всю ее оживленность как рукой сняло.

– Вы не правы, господа... вы совсем не правы... И еще тот сон, который мне на днях приснился...

Когда женский пол пускает в ход сны, пищи пропало. Соловейко бросает на меня весьма иронический взгляд. Он уже немолодой и полный, сейчас ему жарко, ему скучно... Пот льет с него градом.

– Что еще за сон, Элен? – настойчиво спрашивает Аверинцев. – Ну что за сон?

– Ах, оставьте, оставьте... Вам не понять...

Она была совершенно расстроена, и видно было, что никакие увещания не в состоянии вернуть ей былую безмятежность духа и хорошее настроение. Однако подмога прибыла с самой неожиданной стороны: из чащи выехала мать Елены, Анна Львовна, за которой следовал учитель верховой езды Головинский.

– Ровнее, ровнее держитесь! – кричал он. – Вот так, хорошо...

Учитель и Веневитинова подъехали к нам. Увидев расстроенное лицо дочери, Анна Львовна потребовала объяснений и тотчас их получила.

– Вы говорите, неизвестный? Возле насыпи? С петербургского поезда? Да, конечно, неприятно... А вы уверены, что он не самоубийца? Сейчас столько развелось сумасшедших... Боже! – И она посмотрела на меня так, словно я был одним из них.

– Не, этот вроде не самоубийца, – снова подал голос Онофриев, которого никто и не просил. – Аполлинарий Евграфыч утверждают, что его убили.

Его неосторожные слова вызвали новый взрыв восклицаний. Елена Андреевна расстроилась совершенно, так что Максим Иванович получил возможность ее утешить. Он целовал ей руку и твердил, что она не должна так переживать из-за какого-то глупого косаря, угодившего под поезд, потому что мало ли что говорят, лично он совершенно убежден, что все это глупости. Головинский заметил, что происходящее тут, в глуши, напоминает ему какой-нибудь напичканный страстями роман Эжена Сю или Понсон дю Террайля. Анна Львовна желала немедленно узнать подробности, Григорий Никанорович, приложив руку к сердцу, клялся, что ему пока ровным счетом ничего не известно и что о происшедшем он совсем недавно узнал от меня. Мне пришлось подвергнуться перекрестному допросу со стороны женщин, и я и сам не заметил, как признал, что Онофриев – лгун и фантазер и что случился несчастный случай, скорее всего, а впрочем, после осмотра тела будет видно.

– Боже, боже, какие интересные у вас тут места, – вздохнула Анна Львовна после того, как я тысячу раз, не меньше, заверил ее, что происшествие на железной дороге – так, пустяк, мелочь, не заслуживающая внимания, и что ей даже не стоит беспокоиться по столь незначительному поводу. – То моя бедная Жужу, а теперь вот еще одна неприятность... – Она обернулась к Ряжскому: – Кстати, Григорий Никанорович, я должна вас поблагодарить. Вы все-таки взяли под стражу противного Старикова... Надеюсь, он будет наказан так, как того заслуживает.

В ее устах слово «заслуживает» прозвучало подобно лязгу ножа гильотины, и невольно я поежился.

– Хорошо, хорошо, – покивал Ряжский, которому тоже наскучило стоять на солнцепеке и выслушивать всякие благоглупости. – Мы занимаемся этим делом, и можете быть уверены, так мы его не оставим.

– Да уж я надеюсь, – кивнула и Анна Львовна. – Кстати, что вы поделяваете нынче вечером? Милости прошу к нам в гости!

Григорий Никанорович стал отнекиваться, Анна Львовна принялась его уговаривать, учитель верховой езды не преминул вставить свое слово, заметив, что исправник многое потеряет, Аверинцев присоединился к Анне Львовне, Елена Веневитинова сказала, что они были бы счастливы видеть Ряжского у себя... В общем, вся эта чепуха продолжалась никак не меньше десяти минут.

Наконец Григорий Никанорович дал себя уговорить, доктор спрятал в карман платок, которым вытирал пот со лба, возница Еремей присвистнул и для проформы стегнул лоша-

денку, и мы двинулись дальше, к железной дороге, возле которой нас ждал... самый большой сюрприз. А именно, прибыв на место, мы не обнаружили там ни тела, ни каких-либо доказательств того, что оно там находилось. Труп Петровского Ивана Сергеевича исчез бесследно, испарился, растаял, как тают на заре легкие утренние облака. И я понял, что мои злоключения только начинаются.

ГЛАВА VI

– Черт знает что такое! – шипел Ряжский, примостившись на большом камне.

Битый час я обшаривал, осматривал, обыскивал полотно железной дороги и прилегающую к нему территорию вместе с Онофриевым и доктором, которые вызвались помогать мне, но мы ничего не нашли. В душе я понимал, что поиски бесполезны. Тело должно было находиться там, куда я привел моих спутников вначале, оно не могло перемещаться по своей воле – ни на ту сторону насыпи, ни за сто аршин от нее, ни вообще никуда. И тем не менее его не было. Не было, а значит, не было ничего: ни убийства, ни громкого дела, ни возможности оставить опостылевшее место и перебраться в губернское управление.

Так что же было это? Сон? Мираж?

– Убийство, убийство! – передразнил меня Ряжский. Он находился в ярости, иначе никогда бы не позволил себе подобного. – Ну где он, ваш труп, я спрашиваю? Нет его! Устроили тут... балаган! Сорвали людей, которые, между прочим, находятся на службе! Развели... черт знает что такое развели! – Он даже вскочил в запальчивости. – Да вы хоть соображаете, милостивый государь, в какое положение вы меня поставили? По вашей милости все, вся округа знает о том, что произошло убийство. А теперь что начнется? Курам на смех! Над нами будут смеяться, да-с, милостивый государь! Потешаться будет каждый кому не лень! И все, между прочим, из-за вас!

Я человек довольно мирный, но в то мгновение мне мучительно захотелось дать ему пощечину и вызвать на дуэль. Прадедушка, помнится, был знатный дуэлист... Доктор Соловейко смотрел на меня с сочувствием.

– Может быть, вы просто ошиблись, Аполлинаруй Евграфович? – начал он. – Ну, упал с поезда пьяный, потерял сознание, а вы приняли его за мертвеца?

– Конечно! – подхватил раздраженный Ряжский. – Проспался, пришел в чувство, да и отправился себе восвояси. А мы тут мечемся, ищем несуществующего убитого... Телеграммы отправляем, между прочим! – ядовито присовокупил он. – За казенный счет!

– Петровский не был пьян, – сердито сказал я.

– Откуда вы знаете? – даже вскочил с места Григорий Никанорович. – Что, были его собутыльником?

– От него не пахло вином. – Я решил пропустить мимо ушей оскорбительное замечание исправника, хотя один только бог ведает, каких усилий мне это стоило. – И он не мог никуда уйти, поймите! У него была сломана шея!

Григорий Никанорович промычал что-то неразборчивое и, всплеснув руками, повалился обратно на камень.

– Голубчик, – мягко, но решительно промолвил доктор, – Аполлинаруй Евграфович, вы же не врач. Как вы могли определить, что у него сломано?

– Если голова повернута под совершенно диким углом, не надо быть врачом, чтобы сделать соответствующие выводы, – упрямо возразил я. – Кроме того, он не дышал, и пульса у него не было. Он не мог никуда уйти.

– Однако же ушел! – крикнул Ряжский.

Доктор пожал плечами. Я видел, что он хотел бы верить мне, но сомневается.

– Если бы он ушел, кто-нибудь непременно бы его заметил, – сказал я. – И потом, у меня его паспорт. Петровскому в любом случае пришлось бы обратиться в полицию и сделать заявление о пропаже документов.

– Ага, теперь уже вы не так уверены! – воскликнул исправник азартно. – Теперь уже оказывается, что хоть у него была сломана шея и не было пульса, но он, однако же, мог уйти! И даже подать заявление в полицию! Какие необыкновенные истории вы нам рассказываете,

многоуважаемый Аполлинарий Евграфович! А я вот задаю себе вопрос: уж не выдумали ли вы все это?

– Зачем же мне выдумывать? – угрюмо возразил я.

– Затем, голубчик, что вы манкируете очевидными делами и все свои усилия направляете на черт знает что!

– Позвольте, вы какие очевидные дела имеете в виду? Убийство моськи, которую из любопытства задушили ребятишки?

– И не моськи, а левретки!

– А, да подите вы к черту с вашими собаками! – вскипел я. – Поймите же наконец: я видел здесь труп. Он мог оказаться здесь, только выпав из петербургского поезда. Причем человека пытались убить, потому что у него на шее были синие следы пальцев. Его вытолкнули из поезда, и он сломал себе шею при падении. – Я взбежал по насыпи и поднял один из камней, лежащих на откосе. – Вот! Видите? Это кровь! Так что ничего я не выдумывал!

– Да, действительно похоже на кровь, – промямлил доктор, осмотрев камень. – Во всяком случае... Гм! С такой насыпи, да если его вытолкнули из едущего поезда...

– Но в таком случае где же тело? – простонал Ряжский.

Я немного поразмыслил и твердо промолвил:

– За одно я готов ручаться: сам он уйти не мог, потому что был мертв. У Петровского на мизинце было золотое кольцо. Может быть, кто-то позарился на него, снял с тела, а труп на всякий случай спрятал?

– Да зачем вашему грабителю такие сложности? – возразил Ряжский. – Дело-то простое: снял кольцо и беги... К чему еще возиться с телом, куда-то прятать его? Глупости! Ах, голубчик, голубчик, ну и втравили же вы меня в историю... – И он вновь принялся плакаться на свою горемычную начальственную судьбу.

Мне положительно сделалось скучно его слушать. И не мне одному – Онофриев откровенно зевал. Доктор закурил папиросу и предложил мне, но я отказался. Тайна пропавшего пассажира занимала меня все больше и больше. Несмотря на энергичные протесты Ряжского, я еще раз осмотрел все вокруг, но не обнаружил ничего, кроме помятой травы и изломанных лопухов.

– Вряд ли его увезли далеко, – сказал я. – Хорошо бы осмотреть весь лепехинский лес.

Но тут Григорий Никанорович поднялся с места и заявил, что с него хватит. Он уже и так достаточно наслушался сегодня всякого вздора и более не желает, чтобы ему морочили голову.

– Ради бога, доктор, извините нас. Я полагал, что дело и впрямь важное, – добавил Ряжский, не без труда сядя на взбрыкивающую лошадь. – Да стой ты смирно, черт тебя дери! На сегодня, я полагаю, довольно глупостей, господа. Возвращаемся в город.

Делать было нечего. Доктор двинулся обратно к подводе, которая поджидала нас в сотне шагов. Я хотел было уже последовать его примеру, когда заметил, что у камня, на котором сидел исправник, что-то блестит. И, наклонившись, я увидел ключ. Тот самый ключ, который лежал вчера в кармане у Петровского.

Находка вызвала множество вопросов, но я не стал торопиться с ответами на них. Просто сунул ключ в карман и зашагал вслед за доктором.

Пора было возвращаться к очевидным делам.

* * *

Второй час дня. Весь городок уже знает о случившемся, и люди втихомолку подсмеиваются над нами. Мне уже приклеен ярлык фантазера и горького пьяницы, которому мерещится невеста что. С Григория Никаноровича взятки гладки: пошел на поводу у вздорного служащего (в конце концов, он же должностное лицо и обязан принимать меры), а тут такой пассаж. Да, не

отнимешь у нашего исправника умения выходить сухим из воды, которого я начисто лишен. И даже Стариков, коего мне поручено допрашивать по поводу собаки – опять чертова собака! – не стесняется высказывать мне свое презрение.

– Вот, возводят на честного человека всякую напраслину, а сами-то, сами...

– Что – сами?

– Да ничего-с. Знаем мы таковых, как вы. Видали... Небось свалился с поезда бедняга, а вы его того... И обобрали. Все честь по чести.

У меня нет сил даже злиться.

– Что ты мелешь, старый дурак... – устало говорю я.

– Вот-вот, таковы они, в университетах учились которые! Только бы и оскорблять честного человека...

– Вы сына до самоубийства довели. Считаете себя честным?

Вместо ответа Стариков принимается выть, голосить, скулить, как собака. Слезы катятся по его бугристому, красному от пьянства носу... Старик жалок и омерзителен одновременно. А я смотрю мимо него и лениво размышляю, что раз уж Стариков додумался до обвинения меня в убийстве, то не исключено, что вскоре все соседские кумушки будут судачить о том же. М-да-с... Тяжелые мне предстоят времена.

– Ладно, хватит! Довольно, милостивый государь. Лучше расскажите, где вы были вчера утром приблизительно до полудня.

Он утирает слезы. Затравленно смотрит на меня.

– Господин Марсильяк... Ваше благородие... Чтоб я... Как на духу...

– Вы были вчера в лепехинском лесу? Предупреждаю, запирательство бесполезно, вас видели...

Старый трюк, и какой дешевый... Но срабатывает безотказно.

– Ну и что, что видели... – обиженно говорит Стариков. – Я ничего такого не делал.

– А что же вы делали?

Он вытирает щеки.

– Сын... Митенька... Вчера бы у него был день рождения... Я хотел... хотел... – Голос у него предательски дрожит, прерывается. – В церкви я был, – наконец говорит подозреваемый. – Там, на кладбище, могилка его... А я его пережил...

Он закрывает лицо руками и заходится в плаче.

– Говорят про какую-то собаку... А я никого не трогал... И никакой собаки не видел... Голубчик, за что они меня так?

Милые детки, Павлуша и Николенька, чтоб вам гореть в аду с вашими забавами! И мне вместе с вами, потому что мучаю человека. Человека дрянного, опустившегося – но все-таки сотворенного по образу и подобию того, кто выше всех и который все видит...

– Значит, не вы задушили собачку?

Стариков отнимает руки от лица.

– Ваше благородие! Вечным спасением клянусь...

Что мне делать, что делать? Я же вижу, понимаю, чувствую: старик не лжет. Но если я отпущу его, исправник вновь прикажет его засадить, да еще и поручит дело кому-нибудь более сговорчивому. Выход один: идти к той даме с властным голосом, к Анне Львовне, которая заправляет в бывшем стариковском имении, и убедить ее забрать свою жалобу. При одной мысли о том, что придется разговаривать с ней, у меня становится горько во рту, и я морщусь.

– Вот что... Гхм! Илья Ефимыч...

Он смотрит на меня, и в его взоре загорается надежда. И я понимаю, что не могу ее обмануть.

– Илья Ефимыч, я должен уточнить кое-что... Вчера, когда вы были в церкви, вас сопровождал кто-нибудь?

– Нет... Я был один. Батюшка, отец Степан, меня видел...

Отец Степан, очень хорошо. Уже кое-что.

– Хорошо. Мне надо поговорить с ним, а вы пока останетесь у нас. Я распоряжусь, чтобы с вами хорошо обращались, не беспокойтесь. Думаю, вскоре все разъяснится и вы вернетесь к себе.

Он вскакивает с места.

– Аполлинарий Евграфыч... я... Да благословит вас бог!

Да, я поговорю со священником. Но самое главное – Анна Львовна. Если мне удастся ее убедить отозвать жалобу...

Нет, не удастся, я уже сейчас знаю. Кто я такой? Мелкий чиновник, да еще проштрафившийся на службе... Не получится. А что, если попробовать действовать через дочь, Елену Андреевну? Она впечатлительна, и у нее доброе сердце. К тому же она скоро выходит замуж, и, наверное, ей не захочется, чтобы в такой день страдал хоть один человек.

Решено: буду говорить с Еленой Андреевной.

ГЛАВА VII

Я хотел выскользнуть на улицу незаметно – уж больно неприятно было видеть фальшиво-сочувствующие физиономии нижних чинов, которые были во всех подробностях осведомлены о приключении с пропавшим телом. Однако не удалось. Я как раз проходил мимо кабинета Григория Никаноровича, когда оттуда донеслось весьма выразительное восклицание, после чего раздался топот ног и, распахнув дверь, исправник нос к носу столкнулся со мной.

– А! Марсильяк! Вас-то мне и нужно, голубчик! Читайте же, милостивый государь! – И он сунул мне под нос телеграмму. – Что же вы стоите как вкопанный? Читайте, читайте! Вы же суетились, посылали телеграфные извещения о якобы убитом пассажире... Так что, как говорится, вам и честь!

Я поглядел на его торжествующее лицо, взял телеграмму и прочитал текст. Она была послана из Санкт-Петербургского управления железных дорог и заключала в себе следующее сообщение:

«По вашему запросу имеем честь сообщить пассажир Петровский Иван Сергеевич в списках пассажиров не значится ни один кондуктор не заявил об исчезновении кого-либо следующего поездом Москва – Санкт-Петербург в указанное вами время Секретарь Дерябин».

Земля уходила у меня из-под ног. Так что же, мне все приснилось? И человек со сломанной шеей возле насыпи, и паспорт, и записка от таинственной Китти, и ключ... Верно, ключ! О котором я почти забыл, занимаясь делом Старикова.

– Ничего не понимаю, – признался я, возвращая телеграмму Ряжскому.

Исправник победно прищурился.

– Ага, милостивый государь, не понимаете? А я понимаю так, что будет скандал. Вы ведь понаслали телеграмм черт знает куда. Можно подумать, вас просили! А кому придется отвечать за это безобразие? Конечно, мне. А как же? По губернии шастают неопознанные трупы, куда смотрит полиция? – Он скомкал телеграмму и топнул ногой. – В какой-нибудь непотребной газетке, прости господи, еще пропечатают из-за ваших дурацких фантазий, милостивый государь! Сейчас ведь фельетонисты шустрые, их хлебом не корми, дай только пройтись насчет властей! – Григорий Никанорович начал закипать праведным гневом. – Еще и в отставку придется подать... А все из-за вас! Как там дело с той окаянной собакой, продвигается? Только попробуйте мне сказать, что нет!

– Стариков настаивает на алиби, – сказал я. – Уверяет, что все утро был в церкви, а потом на кладбище у могилы сына.

– В церкви? Гм! И свидетелей, конечно, нет?

– Он называл отца Степана.

– Священника? Ну... ну...

По всему было видно, что Григорий Никанорович хотел сказать какую-нибудь резкость, но его набожность не позволяла ему усомниться в весомости показаний духовного лица.

– Наверняка Стариков врет, – сказал наконец исправник, избрав более безопасный путь.

– Возможно, – согласился я. – Поэтому я и хочу поговорить со священником.

Григорий Никанорович вздохнул. Плечи его опустились.

– Каким вздором мы с вами занимаемся, голубчик, каким вздором... – уже без всякой злобы промолвил он. – Ладно! О ходе расследования прошу докладывать мне непосредственно. – И поморщился, как от зубной боли: – Придется еще объяснения властям давать по поводу вашего исчезнувшего трупа... Н-да, Аполлинарий Евграфович, подвели вы меня, подвели. Под монастырь!

Я подумал, что объяснения он, скорее всего, будет давать за вечерним вистом, но промолчал. Тем более что Ряжский не хуже меня разбирался в подобных тонкостях.

– Хорошо, – сказал на прощание исправник. – Так я жду вас сегодня с докладом по поводу стариковского дела!

Я пообещал ему, что сделаю все от меня зависящее, попрощался и вышел на улицу, где в грязи уныло копошились куры.

Как оказалось, вышел я только для того, чтобы неподалеку от вывески «Моды парижские, лондонские и иные прочие» получить чемоданом по голове.

* * *

Это был добротный чемодан, совершенно новехонький и набитый, судя по его весу, плотно пригнанными друг к другу кирпичами. Слегка опешив от удара, я повалился на дорогу, а хозяйка чемодана заметалась вокруг меня, испуская бессвязные крики на французском языке.

– Ah, monsieur! Quel dommage! Je vous ai blessé! Ah, monsieur, je vous demande pardon de tout mon coeur!⁸

– Сударыня, – пролепетал я, совершенно оглушенный водопадом слов и еще более – проклятым чемоданом, от которого едва не лишился последних остатков разума. – Сударыня, ну что вы! Я виноват столько же, сколько и вы.

По правде говоря, я совершенно не считал себя ни в чем виноватым, просто надо же было хоть как-то успокоить бедную женщину, проявлявшую все признаки совершенного отчаяния. Минуту назад я спокойно шел по площади, когда у модной лавки со мной поравнялась обшарпанная, выдававшая виды колымага. Неожиданно она остановилась, а в следующее мгновение дверь растворилась и в меня полетел тот самый чемодан. Следом за чемоданом из кареты показалась и его обладательница – женщина еще довольно молодая, рыжая, веснушчатая, в очках, придававших ей необыкновенно ученый вид, и принялась оглашать воздух жалобами на языке Расина и Мольера.

– Ишь разливается, – непочтительно проворчал сидевший на козлах кучер.

Незнакомка всмотрелась в мое лицо и взвизгнула:

– Ah, monsieur, que vous êtes pâle! Vous avez besoin du docteur!⁹

– Не нужно мне никакого доктора, – огрызнулся я, кое-как поднимаясь с земли и отряхиваясь.

Чемоданометательница робко и встревоженно смотрела на меня снизу вверх (она оказалась гораздо ниже меня), и машинально я отметил, что у нее очень красивые глаза.

– Ньет доктора? – с трудом, коверкая русские слова, проговорила она.

– Со мной все в порядке, мадам, – заверил ее я.

– Не мадам, мадемуазель! – пропищало комичное создание и, прежде чем я успел опомниться, крепко вцепилось в мою руку. – Я – мадемуазель Изабель Плесси.

– Очень приятно, Аполлинарий Марсильяк, – пробормотал я, ошеломленный ее напором.

– Марсильяк? О! – Она даже взвизгнула от восторга. – Vous êtes mon compatriote, n'est-ce pas? Ah, que c'est bien!¹⁰

– Вообще-то я русский, мадемуазель, – заметил я, пытаюсь осторожно высвободить руку из ее цепких пальчиков.

– О! Но вы учитель французского, да? Нет?

– Я не учитель, – уже сердито ответил я. – Я полицейский.

⁸ Ах, месье! Какое несчастье, я вас ранила! Месье, я искренне прошу у вас прощения! (франц.)

⁹ Месье, как вы бледны! Вам необходим доктор! (франц.)

¹⁰ Вы мой соотечественник, верно? Ах, как мне повезло! (франц.)

Мадемуазель Плесси даже подпрыгнула на месте.

– Правда? Настоящий policier¹¹, как месье Лекок? О!

– Ну до месье Лекока мне еще далеко, – усмехнулся я, вспомнив о трупe, нагло скрывшемся с места преступления. – А вы что же, читаете уголовные романы?

– Я есть большой поклонница этот жанр! – гордо объявила мадемуазель и в доказательство распахнула проклятый чемодан, который несколько мгновений тому назад угодил мне в голову.

С некоторым изумлением я убедился, что он битком набит французскими книгами. Здесь был весь Габорио, мемуары Видока, какие-то книжки о его приключениях в потрепанных обложках... Все я толком рассмотреть не успел, потому что мадемуазель Плесси захлопнула чемодан – и тихо взвыла, прищемив пальцы крышкой.

– Я немножко неловкий, – объяснила она, когда с моей помощью ей удалось высвободить пальцы. Она подула на них, исподлюбя глядя на меня, но поняла, что я не сержусь, и улыбнулась.

– Какое там немножко, – проворчал кучер, расслышавший ее слова. – Блажная, чисто блажная.

– Вы не посадить меня в тюрьма? – деловито осведомилась мадемуазель Плесси.

Я удивился:

– Вас? За что?

– За моя valise¹², – простодушно объяснила она. – Я вас ударить.

– Пустяки, – отмахнулся я. – Я уже забыл.

– Забыли? – поразились она, дотрагиваясь до моей головы. – Mais vous saignez!¹³

– Нет-нет, ничего страшного, – успокоил я француженку, доставая платок.

– Как ничего? – поразились она. – Но ваша голова! Может быть разние conséquences!¹⁴ Я обязана доставить вас к доктор. Пойдемте! – И она потянула меня за руку.

– Нет-нет, я не хочу к доктору, – воспротивился я. Единственным приличным врачом в городе был Соловейко, а я не желал выслушивать его соболезнования по поводу моего удравшего покойника.

– О, какой вы, – надулась Изабель. Внезапно ее лицо озарилось. – Знаете что? Я могу отвезти вас домой. Мой карет в ваш распоряжений. – И она гордо указала на колымагу.

Я начал отнекиваться, но она настаивала. По ее словам, она хотела загладить свою вину за летающий чемодан. Неожиданно мне в голову пришла одна мысль:

– Знаете что, мадемуазель? Я согласен, только отвезите меня не домой, а к моему знакомому, и будем считать, что мы квиты. Хорошо?

– Хорошо! – радостно прошептала француженка. – Аркади! – закричала она, делая ударение на последнем слогe. – Аркади, valise! Ми едем!

– Господи, вот навязалась напасть на мою голову, – тоскливо пробормотал кучер и, спустившись с козел, помог мадемуазель Плесси втиснуть непокорный чемодан обратно в карету. Вслед за чемоданом уселись и мы, и колымага тронулась в путь.

¹¹ Полицейский (франц.).

¹² Чемодан (франц.).

¹³ Но у вас кровь! (франц.)

¹⁴ Последствия (франц.).

ГЛАВА VIII

Если вы когда-нибудь путешествовали в окружении клеток, наполненных щебечущими птицами, то вы, возможно, сумеете меня понять. Ибо всего через несколько минут после того как я уселся рядом с мадемуазель Плесси, мне уже неодолимо захотелось оказаться где-нибудь в другом месте, а самое главное – никогда в жизни больше не встречаться с этой взбалмошной, вздорной женщиной. Кажется, она ни на мгновение не закрывала рта, изъясняясь попеременно то на плохом русском, то на великолепном французском, благодаря чему я вскоре узнал ее собственную историю, историю ее близких, историю того, как она оказалась в России, и тысячу других столь же животрепещущих подробностей. Оказалось, что мадемуазель Плесси была гувернанткой в богатой семье, и в ее обязанности входило учить французскому двоих хозяйских сыновей, бывших «отшень, отшень больши проказники», как она говорила. Похоже, она их не слишком любила, потому что они были ленивые, избалованные и совершенно не желали учиться. Вдобавок они без всякого стеснения изводили бедную гувернантку, подкладывая ей в постель дохлых мышей и подсыпая в кофе отцовский табак. Словом, бедная мадемуазель Изабель не знала, куда от них деться, когда неожиданно бог сжалился над ней и забрал к себе ее тетку, скупую, черствую, бессердечную старую деву, которая коротала свои дни в компании полудюжины облезлых кошек. Когда тетка отдала богу душу, выяснилась чрезвычайно странная вещь. Во-первых, перед смертью старуха разругалась со своим дальним родственником, франтоватым военным, на чье имя было составлено завещание, и написала новое, по которому все имущество отходило Изабель (родственник, кажется, провинился лишь в том, что не поздравил вовремя старуху с именинами). Во-вторых, когда завещание было вскрыто, выяснилось, что старуха, ютившаяся в полуразвалившемся домике, накопила за свою жизнь богатство, которого бы хватило на троих. Так мадемуазель Изабель Плесси, перебивавшаяся в России скудными заработками, в одночасье оказалась состоятельной наследницей, – и нельзя сказать, что деньги не ударили ей в голову.

– Ви ни за что не угадал, что я сделала прежде всего! – заявила она, весело блестя глазами из-под очков.

– Попросили у хозяев расчет? – предположил я.

– Ха! – победно воскликнула мадемуазель Плесси и откинула назад рыжую прядь волос, которая так и норовила попасть ей в глаз. – Non, je savais que j'allais le faire¹⁵. Но вы послушайте! Я приходил в классная комната, мальчишки уже быть там. О, гадкие, противные, непослушны дети! И я взять чернильница и опрокинуть ее им на головы. Они плакать и кричать. А я смеяться! – победно заключила странная гувернантка. – Они были такой жалкий, как мокрый мышь. Они не понимали, что происходить! Раньше они потешаться надо мной, а теперь я потешаться над ними! Они топтать ногами, плакать и звать своих parents¹⁶. Ils m'ont fait rire, parce que – mais oui, le proverbe dit bien: rit bien qui rit le dernier. Et c'est moi qui a ri la dernière!¹⁷

– Вы не любите детей? – спросил я.

Мадемуазель Плесси нахмурилась.

– Voyons, mais c'est étrange, ça... Pourquoi on ne demande jamais: est-ce que vous aimez de grandes personnes? On croit que les enfants, ce sont des anges... Mais ce n'est pas vrai. Il y a de bons enfants, il y a de mauvais enfants, tout comme avec les adultes. Vous comprenez?¹⁸

¹⁵ Нет, я знала, что скоро сделаю это (франц.).

¹⁶ Родителей (франц.).

¹⁷ А я смеялась, потому что – помните пословицу: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Так вот, последней оказалась я (франц.).

¹⁸ Знаете, это все-таки странно. Почему никогда не спрашивают: любите ли вы взрослых? Некоторые считают детей анге-

- Кажется, да, – помедлив, согласился я. – И вам достались плохие дети.
– Отшень большой шалун! – со вздохом промолвила мадемуазель Плесси.

Одним словом, она с огромным удовольствием взяла расчет и, навсегда распрощавшись с большими шалунами, решила начать новую жизнь.

– Я всегда хотел иметь свой экипаж, – доверительно сообщила мадемуазель Плесси. – Mais ce n'est pas facile d'en trouver un dans la province!¹⁹

Однако мечта требовала немедленного воплощения в жизнь, и тогда мадемуазель Плесси купила первую попавшуюся ей на глаза карету, оказавшуюся на поверку сущей колымагой. В придачу к последней пришлось раскошелиться и на кучера, того самого Аркадия. Как я понял, именно он и был продавцом кареты – никто другой просто не пожелал иметь со странной францушкой дела.

– C'est si bien, aller où je veux, faire ce que je veux!²⁰ – Она засмеялась. – Maintenant je reviens chez moi. Il faut régler les affaires. Pauvre tante Gabrielle! Elle était peut-être la plus hideuse personne de tous que j'ai connus, mais elle m'a fait le plus du bien, c'est extraordinaire!²¹

– Ишь лопочет-то, – проворчал кучер и вздохнул так громко, что лошадь пошла в два раза быстрее. – Навязалась, прости господи, на мою голову... Вы бы, барин, с ней поосторожнее, а то эти ханцуженки, известное дело... Привяжутся – потом не отвяжутся.

– Ты за дорогой лучше следи, – заметил я. – На следующей развилке направо и до самой церкви.

– L'église?²² – встrepенулась Изабель. – Зачем вам церковь? Ви женитесь?

И она с любопытством взглянула мне в глаза. Пришлось объяснить, что я не женюсь, а в церковь мне нужно заглянуть исключительно по службе.

– А, ви расследовать какой-то дело... Значит, жена у вас уже есть?

Я ответил, что не женат.

– Ну ви, мужчины, всегда так говорить, – заявила мадемуазель Плесси и выразительно повела плечиком. Кучер фыркнул. – Кстати, как поживает ваш голова? Мне ужасно совестно, что я вас стукнуть.

Я заверил ее, что моя голова поживает хорошо, но мои слова не убедили мадемуазель Плесси. Она мгновенно вспомнила о дяде Гийоме, который умер, ударившись головой. Впрочем, оговорила она, он сначала упал с крыши, после чего его переехала телега. Я ответил, что покамест не собираюсь падать с крыши, но мадемуазель Плесси, похоже, решила всерьез озаботиться моим здоровьем. Несмотря на протесты, она выудила откуда-то изящный шелковый шарф и сделала попытку перевязать им мою голову. Мне стоило больших трудов отказаться от ее любезности, о чем я сразу же пожалел – такое обиженное лицо сделалось у моей спутницы. Похоже, она и впрямь была женщиной доброй и участливой, только, как обыкновенно пишут в романах, без царя в голове. Намерения у нее всегда были самые лучшие, но она бралась за их осуществление с таким жаром, с такой поспешностью, что это поневоле вызывало смех. Даже кучер покосился на меня с жалостью.

– Вы лучше соглашайтесь, – посоветовал он мне, поворачивая к церкви. – Такая баба, что ежели ей что в башку втемяшится, так ничем потом не выбьешь.

– Qu'est-ce qu'il dit?²³ – встrepенулась мадемуазель Плесси.

лами, но это не так. Есть хорошие дети, есть плохие дети – здесь все как у взрослых. Вы понимаете? (франц.)

¹⁹ Но не так-то легко отыскать такой экипаж в провинции (франц.).

²⁰ Но это так здорово: ехать куда вздумается, делать что хочется! (франц.)

²¹ Теперь я возвращаюсь к себе домой. Надо уладить кое-какие дела. Бедная тетушка Габриэль! Наверное, она была самым неприятным человеком из всех, кого я знала, но она сделала мне больше всех добра. Это потрясающе! (франц.)

²² Церковь? (франц.)

²³ Что он говорит? (франц.)

Не отвечая ей, я в довольно неучтивых выражениях посоветовал кучеру заниматься своим делом. Аркадий презрительно хмыкнул и во всю дорогу более не промолвил ни слова. От шарфа в качестве перевязочного средства мне в конце концов удалось отвертеться, но мадемуазель Плесси горела таким желанием сделать хоть что-нибудь для меня (неважно что)! Поневолле пришлось пойти на попятный. Я сказал ей, что очень люблю читать и буду весьма ей обязан, если она даст мне несколько новинок из своего чемодана.

– Ах, ну конечно же! – вскричала Изабель и кинулась к своему чемодану с таким видом, словно была готова отдать мне его вместе с содержимым, но тут кучер натянул вожжи, экипаж остановился, и нас с француженкой отбросило к стенке. Она охнула и схватилась за затылок.

– Осторожнее с лошадьми, любезнейший! – крикнул я кучеру, соскакивая на землю. – Так и ушибить седоков можно.

Аркадий угрюмо поглядел на меня и отвернулся. Он поудобнее перехватил вожжи, но тут дверца кареты распахнулась, и Изабель выпала наружу – я говорю, выпала, потому что ногой она задела за что-то внутри кареты и едва не полетела на землю. Я еле успел подхватить ее, и на мгновение она оказалась в моих объятиях. Кажется, мы оба смутились. Я разжал руки и отпустил ее. Аркадий, наблюдая эту сцену, только иронически хмыкнул.

– Je veux prendre un peu d'air²⁴, – сказала Изабель, поправляя волосы.

В сущности, я не имел права ей воспрепятствовать. Так вдвоем, бок о бок мы зашагали к церкви.

²⁴ Я хочу немного прогуляться (франц.).

ГЛАВА IX

Я нашел отца Степана неподалеку от церкви. Внешность священника описать и легко, и сложно: обыкновенного вида человек, не высокий, но и не приземистый, не худой и, однако же, не дородный. Глаза у него серые, внимательные. Еще водится за ним привычка в задумчивости почесывать бороду, которая доходит ему почти до груди. Он как две капли воды похож на десятки других священников, которые мне встречались, и я думаю, и в самом деле мало чем от них отличается. Не мешкая, я изложил ему суть дела и спросил, видел ли он вчера Старикова.

– Да, он был вчера здесь, – подтвердил отец Степан. – И на кладбище, как он и говорил... – Священник нахмурился. – Должен вам признаться, господин Марсильяк, – после небольшой заминки продолжал он, – что обыкновенно посещения Ильи Ефимыча доставляют мало радости, потому что... ну, да вы сами все про него знаете. Но вчера он был совершенно трезв, чисто одет и... Словом, то, в чем его обвиняют, сильно меня удивляет.

– Обвиняю, собственно, не я, а Анна Львовна Веневитинова, – отозвался я. – Значит, по вашему, он не мог убить собаку?

– Нет-нет, – поспешно ответил отец Степан. – Он был, знаете ли, в таком настроении... просветленном, что ли... много молился, плакал у могилы.

– Вы не помните, когда именно он ушел?

Отец Степан немного подумал.

– Точно не помню, но, наверное, около одиннадцати. Да, где-то так.

– Вы не видели, какой дорогой он возвращался?

– Короткой. Той, которая ведет через лес.

Пока мы беседовали, мадемуазель Плесси стояла в нескольких шагах от нас, с любопытством поглядывая на церковь, над которой кружили вороны, и на лицо отца Степана. Священник кашлянул.

– А что за особа с вами? – спросил он.

Я кратко объяснил ему, в чем дело.

– Да, неисповедимы пути господни, – вздохнул он, узнав о неожиданно свалившемся на мадемуазель Плесси богатстве. Сам отец Степан не мог похвастаться особым достатком. – Могу ли я спросить у вас, что вы намерены предпринять теперь?

– Вы имеете в виду Старикова? Я хотел бы уговорить Веневитиновых отозвать свою жалобу. Лично мое мнение таково, что он ни в чем не виноват, но, я полагаю, убедить их будет довольно трудно.

– Что ж, бог в помощь, – отозвался священник.

Я попрощался с ним, и мы вместе с Изабель двинулись обратно к экипажу.

– Это он убить? – поинтересовалась мадемуазель Плесси.

Я едва не споткнулся на ровном месте.

– Простите?

– Вы говорили о какой-то убийство. Он?

– Что вас заставило думать, что...

– Я читала роман, – победно объявила мадемуазель Плесси. – «Le mystère de la chambre rouge»²⁵. И там преступник был священник.

– Ах, вот вы о чем! – Я с облегчением рассмеялся. – Ну так то в романах. В жизни все гораздо прозаичнее.

– А кто есть убит? Я так и не поняла, – сказала она, робко заглядывая мне в глаза.

Я пожал плечами.

²⁵ «Тайна красной комнаты» (франц.).

– Представьте себе, весь переполох из-за убийства собаки.

– Un chien? – поразилась мадемуазель Плесси. – Quelle horreur!²⁶

Я пропустил ее замечание мимо ушей.

– Мне надо встретиться еще с одним человеком. Вы подвезете меня? Если нет, я вполне могу пройти пешком.

– О нѣт, зачем же пешком? – возразила Изабель и как-то очень ловко взяла меня под руку. – Nous irons ensemble!²⁷

Я подумал... Нет, в тот момент я еще ничего не подумал, уверяю вас. Честно говоря, я уже порядком отвык от женского внимания, а мадемуазель Плесси была очень добра ко мне – только и всего.

Мы добрались до усадьбы, и первая, кого я встретил, была Ирина Васильевна, которая несла куда-то стопку скатертей. Я осведомился, дома ли Елена Андреевна, и добавил, что хотел бы с ней поговорить.

– Сейчас узнаю, – сказала Ирина Васильевна и удалилась.

Из дома, зевая во весь рот, вышел учитель верховой езды. Завидев меня, он приостановился, и в глазах его мелькнули веселые искорки.

– А! Господин Марсильяк! С чем сегодня к нам пожаловали? Никак отыскиали очередной труп? – И он засмеялся, довольный своей шуткой.

Изабель вытаращила глаза.

– Qu'est-ce qu'il dit? C'est une plaisanterie, non?²⁸

– Вовсе нет, мадемуазель, – отозвался проклятый Головинский и в красочных подробностях поведал всю эпопею об исчезнувшем трупе. Вряд ли Изабель поняла хотя бы половину, потому что она посмотрела на меня с явным сочувствием.

– Кстати, вы забыли представить меня вашей спутнице, Марсильяк, – заметил учитель. – Что, она тоже работает в полиции?

Мне захотелось его поддеть.

– Нет, – ответил я. – Мадемуазель Изабель Плесси – моя хорошая знакомая. Прежде она была гувернанткой, но сейчас оставила это занятие, потому что унаследовала от своей тетки десять тысяч франков ренты. Собственно, мадемуазель Плесси в нашем городе проездом, потому что вскоре возвращается к себе на родину.

– Однако... – пробормотал Головинский, на которого выдуманные мной десять тысяч ренты, похоже, произвели неизгладимое впечатление. – А вы хитрец, господин Марсильяк! Никогда бы не подумал, честное слово!

Его развязность начала меня раздражать.

– Чего именно вы бы не подумали? – сердито спросил я, но тут вслед за экономкой из дома вышла Елена Веневитинова. Сегодня она была в голубом платье, и я отметил, что этот цвет ей очень к лицу.

– Что вам угодно, господин Марсильяк? – довольно холодно обронила она.

Ирина Васильевна удалилась. Головинский остался на террасе, с любопытством разглядывая мадемуазель Плесси, которая сорвала какой-то цветок и нюхала его.

Как мог, я объяснил Елене свою точку зрения, рассказал о Старикове, о том, почему убежден в его невиновности.

– Я не понимаю, какое отношение это имеет ко мне, – сказала Елена, с недоумением поводя плечом. – Чего вы, собственно, хотите от меня?

²⁶ Собаки? Какой ужас! (франц.)

²⁷ Мы поедем вместе! (франц.)

²⁸ Что он говорит? Это что, шутка? (франц.)

Досадуя на себя, я объяснил, что Стариков уже немолод и не выдержит судебного преследования. Тем более что обвинять его собираются вовсе не в убийстве собачонки, а в незаконном проникновении на чужую территорию. Неужели ей захочется, чтобы ее свадьба была омрачена несчастьем пожилого человека?

– Вам стоило бы поговорить по данному поводу с маменькой, – нерешительно проговорила Елена. – Боюсь, я не могу быть вам полезной. Я не слишком хорошо знаю бывшего хозяина имения, но того, что о нем слышала, вполне достаточно. Он бессердечный человек, который дурно обошелся с собственным сыном, и будет только справедливо, если он понесет заслуженное... заслуженное наказание.

Я понял, что жестоко ошибся в девушке. С какой легкостью люди вспоминают о справедливости – если во имя ее они могут не ударить пальцем о палец... Я оглянулся на мадемуазель Плесси, словно она могла мне помочь. Оказалось, что она держит в руке тот цветок, который только что нюхала, – обыкновенную ромашку, – и, говоря что-то вполголоса, обрывает его лепестки один за другим.

– Это жестоко, Елена Андреевна, – с горечью сказал я. – Очень жестоко.

Щеки девушки вспыхнули. Она вскинула голову.

– Думаю, вы не слишком-то вежливы, господин Марсильяк, – звенящим от негодования голосом проговорила она. – Прошу вас немедленно покинуть наш дом. Полагаю, вам здесь нечего больше делать. – И, холодно кивнув мне на прощание, удалилась.

Мадемуазель Плесси оборвала все лепестки ромашки, на мгновение зажмурилась и, пробормотав себе что-то под нос, коротко выдохнула. Я подошел к ней, она открыла глаза и улыбнулась мне. Учитель верховой езды с любопытством глядел на нас.

– Вы узнали то, что хотел? – деловито спросила Изабель.

– Боюсь, у меня ничего не получилось, – извиняющимся тоном промолвил я. – Совсем ничего.

– Тогда надо *manger*²⁹, – сообщила она.

– Что? – Я решил, что ослышался.

– *Dejeuner*³⁰, – пояснила она. – В пустой желудок не приходит никакой стоящий мысль.

И прежде чем я успел что-либо возразить на сие ошеломительное замечание, она подхватила меня под руку и увлекла за собой.

²⁹ Поестъ (франц.).

³⁰ Пообедать (франц.).

ГЛАВА X

Когда мы вернулись в город, мне стоило большого труда отговорить Изабель устроить кутеж в «Вене», грязноватой гостинице на главной площади, где с приезжих драли втридорога, а кормили на грош. По моей рекомендации мы отправились в «Уголок для проезжающих», который содержала вдова Шумихина и который, несмотря на свое провинциальное название, мог вполне сойти за приличное заведение. Мадемуазель Плесси посмотрела на меню, написанное по-русски, и, надув губы, передала его мне.

– Ах, я совсем не разбираюсь в ваш язык, – пожаловалась она. – Закажите мне сами, хорошо? И пусть Аркади тоже дадут что-нибудь.

Поскольку на обратном пути ворчливый Аркадий чуть не вывалил нас в канаву, я высказался в том духе, что ему не повредит, даже если он умрет с голоду. Ответ Изабель поразил меня.

– Может быть, – равнодушно заметила она, пожимая плечами. – Но если он умереть, кто же тогда меня возить?

Я подумал, что при всех своих причудах она довольно-таки практична, и заказал уху, икру, отбивные из телятины и кофе. Мадемуазель Плесси пожелала спаржи и устриц. Честно говоря, я слегка запнулся, переводя ее просьбу, но официант не заметил моей заминки. Спаржа нашлась еще быстрее, чем устрицы, и я понял, что до конца недели, а то и дольше, мне придется питаться одним хлебом, ведь не могло быть и речи о том, чтобы позволить моей спутнице платить за обед.

– Cet asperge ressemble a du caoutchouc, – пожаловалась она, ковыряя вилок в тарелке. – Pourquoi les gens riches aiment le manger, je ne comprends pas³¹.

Устрицы ей тоже не понравились.

– Ils ont un air malade³², – сказала Изабель.

Я не знал, смеяться мне или сердиться на нее. Но тут принесли котлеты и уху, и мадемуазель Плесси с большим аппетитом принялась за них.

– Вы ничего не едите, – сказала она по-французски. – Почему?

Я ответил, что мне не хочется, и к тому же мне пора возвращаться на службу. Изабель округлила глаза.

– О! У вас много дел?

– По правде говоря, не слишком, – со вздохом признался я.

Мадемуазель Плесси поглядела на меня блестящим, влажным взглядом и прикончила вторую котлету.

– Вы чересчур много думать о работе, – заявила она безапелляционно. – Вам следует больше отдыхать.

– Не могу, – ответил я. – Пока я не разобрался в происходящем, покоя мне не будет.

– А! Вы имеете в виду убитую собаку?

Почему-то всем далась именно собака! Но я устал, и у меня не было даже охоты сердиться.

– Дело не в собаке, а в... в Петровском.

– В пьянице, которого вы приняли за мертвого?

– Он не был пьян, – упрямо сказал я. – Он был мертв. Я абсолютно уверен.

– Значит, он не мог никуда уйти?

– Никак не мог, – подтвердил я.

³¹ Эта спаржа похожа на резину. Почему богатые люди ее едят, не могу понять (франц.).

³² У них больной вид (франц.).

– Как интересно, – вздохнула мадемуазель Плесси. Она посмотрела на спаржу, и ее взор затуманился. – Совсем как в «Загадке каменного цветка». Там тоже человек исчезает, а потом выясняется, что во всем виноваты близнецы. И еще там главного злодея замуровывают в стену, то есть не замуровывают, конечно, а так случайно получилось...

Я сидел, слушал ее болтовню и думал... даже не знаю хорошенько, что именно. Мадемуазель Плесси увлеченно пересказывала какие-то книжки, которые я никогда не читал и никогда, наверное, не прочту, – книжки, полные мрачных подземелий, кровавых тайн и незаконнорожденных мстителей. Одним словом, несла несусветный вздор, и ничего из того, что она рассказывала, никогда не происходило в жизни, но... сам не знаю почему, я отдыхал душой, слушая ее щебет. Вот странно... Ведь мадемуазель Плесси была мне посторонним человеком, совершенно чужим, и до сегодняшнего дня я совсем не знал ее, но все же с ней было очень уютно, несмотря на ее легкомыслие и невероятные ужимки. Завтра, наверное, она уедет, вернется к себе во Францию, к столь неожиданно свалившемуся на нее богатству, и я больше ее не увижу.

– Ну вот, вы опять ничего не едите, – обиженно сказала мадемуазель Плесси.

Но я не успел ей ответить, потому что в тот момент увидел пробирающегося между столов урядника Онофриева. Его плутовская рожа расплылась в улыбке.

– Чего тебе? – неприязненно спросил я.

Он кашлянул, выразительно покосился на Изабель и доложил, отдавая честь:

– Григорий Никанорыч очень желают вас видеть. По собачьему делу-с.

– Вот оно что... Быстро же ты меня нашел, братец!

– А что тут особенного? – ухмыльнулся Онофриев, одним глазом косясь на невозмутимую француженку, которая как раз в то мгновение разделялась с каучуковым салатом. – Вас Тришка, который пирожки продает, видел, когда вы в карете катили барыни этой. Тут ничего с хитрого нет.

Я подозвал хозяйку, попросил принести счет и расплатился. В кошельке моем почти ничего не осталось, но я решил не обращать внимания на такие мелочи.

– Приношу свои извинения, мадемуазель, служба... Счастливо оставаться.

Она подала мне ручку, как настоящая принцесса, – узкую, гибкую, прохладную, – и я и сам не заметил, как поцеловал ее. Хозяйка Марья Петровна, глядя на нас, даже вздохнула с некоторой завистью. Или мне показалось?

– Au revoir, mademoiselle!³³

Онофриев осклабился, зачем-то отдал честь и затопал сапожищами к выходу вслед за мной.

* * *

Против ожидания, исправник принял меня довольно ласково.

– А, вот и вы, Аполлинарий Евграфович! Прошу вас, садитесь... Ну-с, что новенького слышно по нашему делу?

Я рассказал ему о беседе с отцом Степаном и повторил, что, по моему личному убеждению, Стариков не убивал собаку Веневитиновых.

– Гм, да, конечно... – промычал Ряжский. – Но ведь ваше мнение к делу не подошьешь, сами понимаете... Тем более что алиби у Старикова все-таки нет, что следует и из показаний отца Степана. – Затем исправник без перехода спросил: – Скажите, а что за певичка французская, которую с вами видели?

– Певичка? – поразился я. – Помилуйте, Григорий Никанорович... Она бывшая гувернантка. Оставила службу, потому что получила наследство.

³³ До свидания, мадемуазель! (франц.)

– Большое? – прищурясь, осведомился исправник.

Я замялся.

– Порядочное, – признался я.

– Гм! – молвил Ряжский, подкрутивши ус. – А вы, значит, сударь, того, решили унаследовать ее вместе с ее наследством... Да-с! – И он рассмеялся, крайне довольный удачным каламбуром.

Я сидел в полном ошеломлении. На миг у меня мелькнула даже мысль, что я, как Поприщев, ненароком сошел с ума и теперь, сам не зная того, оказался в сумасшедшем доме.

– Григорий Никанорович, о чем вы?!

– Ну, полноте, милостивый государь! Весь город видел, как вы ее обхаживали... у Шумихиной-то. Мне Онофриев уже обо всем доложил...

Я сидел раскрывши рот и, вероятно, представлял собой преглупое зрелище. Однако Григорий Никанорович все же решил сжалиться надо мной:

– Ну, полно, полно, голубчик... Вы не подумайте, что я там против или что такое. При случае познакомьте меня с мадемуазель... как ее зовут?

– Изабель Плесси, – машинально ответил я.

– Ну да, Изабель... Мадемуазель-стриказель... – Он значительно кашлянул. – А вы молодец, конечно. Нет, кроме шуток, молодец. Когда вам не мерещатся всякие непонятные покойники...

Мне мучительно захотелось провалиться сквозь землю, но, увы, в данный момент желание было совершенно неосуществимо. В дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Ряжский.

Вошел секретарь Былинкин, молодой человек хлипкого телосложения, несколько напоминающий комарика, непонятно почему затянутого в узкий мундир. Чем занимается Былинкин в нашем управлении, не ведомо никому. Он всегда на месте, но, когда надо составить отчет или написать рапорт, почему-то непременно выясняется, что он куда-то отлучился. Некоторые девушки города N уверяют, что у Былинкина ангельский вид, и я охотно им верю. Если паче чаяния вы все же застигли его на месте и просите помочь, у Былинкина делается такое несчастное лицо, что вы сразу же начинаете жалеть о том, что посмели обременить столь хрупкое существо презренной земной работой. Глаза у Былинкина печальные, несколько навывкате, жидкие светлые волосы обильно смазаны фиксатуаром и зачесаны назад, открывая высокий лоб. С начальством он неизменно почтителен и никогда ему не перечит, за что, собственно, его и ценят. Кроме того, Былинкин обладает особым умением разговаривать с торговцами. С ними, особенно с женщинами, он ласков и предупредителен настолько, что ему всегда продают самые лучшие товары, да еще и набавляют весу сверху. Самые злобные бабы на рынке, завидев его, расплываются почему-то в улыбке и наперебой зазывают покупать у себя, хотя всем им отлично известно, что Былинкин не слишком богат, не может похвастаться чином. Даже злые цепные собаки питают к секретарю необъяснимую симпатию, позволяя безнаказанно себя гладить, тогда как любого другого за подобную вольность неминуемо разорвали бы на части. В чем тут дело – не знаю, и почему этот человек, мягкий, кроткий, услужливый и при том невероятно изворотливый, когда доходит дело до работы, так пленяет сердца, тоже не могу объяснить. Иногда у меня складывается впечатление, что он смог бы с комфортом устроиться даже в кратере огнедышащего вулкана или на острове, где принято отдавать почести всем заезжающим туда путешественникам, поедая их.

Сейчас на его челе, впрочем, витала озабоченность, и вообще он выглядел как человек, который трудится целыми днями не покладая рук.

– В чем дело, Никита Егорыч? – спросил исправник, нахмурясь.

– Телеграмма, – доложил Былинкин, волнуясь. – Из столицы. Срочно.

Ряжский взял распечатанную телеграмму, бросил на нее взгляд и как-то малость закоченел. Прочитал от начала до конца и на сей раз закоченел окончательно.

– Только что доставлена, – зачем-то добавил Былинкин, часто-часто моргая глазами.

Молчание сгустилось в комнате, молчание расплзлось по углам, как вязкое невидимое облако, и задушило всех нас. Григорий Никанорович крикнул и для чего-то протер пальцами углы рта, затем еще раз перечитал телеграмму.

– Вы прочитали это, Никита Егорыч? – спросил он тяжелым, как надгробная плита, голосом.

Никита Егорыч отшатнулся, и ужас нечеловеческий изобразился на лице его.

– Я, Григорий Никанорович? Но ведь как же... я же все телеграммы... Я и понятия не имел, что она секретная, пока не увидел...

– Ну так держите язык за зубами до поры до времени! – сердито сказал исправник и обернулся ко мне: – Прочтите, Аполлинарий Евграфович. Полагаю, вас телеграмма касается непосредственно.

Все еще ничего не понимая, я взял из его рук узкий листок и прочитал:

«Исправнику Ряжскому Срочно Совершенно секретно Сведения Петровском сообщенные вами чрезвычайно важны Просьба ничего не предпринимать приезда Корф Генерал Багратионов».

ГЛАВА XI

– Хорошенькое положеньеце! Вот вам и пьяница, однако...
– Господа, мы должны незамедлительно решить, что нам делать.
– Как – что делать? По-моему, в телеграмме ясно сказано: ничего не предпринимать.
– Ах, Григорий Никанорыч, вы ничего в этом не понимаете. Тут дело тонкое, милостивый государь. А мы, как нарочно, ничего не знаем!

В седьмом часу в кабинете исправника состоялся военный совет. На нем присутствовали: городской голова Венедикт Павлович Щукин, сухой остролицый господин весьма желчного вида, затем Григорий Никанорович Ряжский, утративший львиную часть своей обычной уверенности, я как лицо, нашедшее тело, секретарь Былинкин, которого просто позабыли выставить за дверь, а также неизвестно для чего приглашенный брендмейстер Антон Фаддеич Суконкин, один из ближайших друзей Щукина и большой знаток и почитатель виста.

Также Суконкин славился своим умением к месту и не к месту вставлять в речь пословицы и поговорки, которых он знал несметное множество, причем произносил он их с таким видом, будто изрекал невесть какие истины, а меж тем на свете нет ничего более избитого и банального, чем застывшие выражения, которые всегда выдают желаемое за действительное. И в самом деле, если посмотреть на нашу жизнь, все норовят разинуть рот на чужой каравай, жнут вовсе не то, что посеяли, встречают по одежке, зато провожают вовсе не по уму, а по кошельку, с охотой плюют в колодец, когда знают наверное, что он отравлен, и помнят, что друг познается вовсе не в беде (тогда он готов помочь, рассчитывая на то, что в тяжелую минуту и ты поможешь ему), а в удаче, которая способна охладить самых стойких и отдалить самых преданных. Однако, скажи я об этом брендмейстеру, он бы меня не понял, и вряд ли моя точка зрения – что любые штампы есть признак недалекого ума – встретила бы у него сочувствие.

В Н Суконкин слыл, напротив, весьма ловким и расторопным малым, и, может быть, отчасти поэтому он и оказался на нашем совещании. Дело, впрочем, и впрямь выходило пожарное, ибо срочность, секретность послания и особенно генеральская подпись под ним вселяли трепет в самые закаленные чиновные сердца. Все жаждали узнать, что же именно происходит, и ни у кого не было никаких соображений по данному поводу, подкрепленных весомыми фактами. Версий же и теорий, причем самых фантастических, нашлось хоть отбавляй.

– Если генерал, то дело, несомненно, военное. А на войне как на войне!
– Полно вам, Антон Фаддеич. Генералы, знаете ли, тоже разные бывают.
– Однако же не всякие генералы имеют власть рассылать секретные телеграммы, да-с!
– Господа, а я вот о чем думаю... – встревожился Григорий Никанорович. – Не готовится ли какой войны с немцами?

Щукин брезгливо покривил рот.

– О войне с ними, милостивый государь, идут толки уже лет десять каждый божий день, так что, полагаю, волноваться не о чем. Никакой войны не будет, это все французы панику разводят.

– Господа, – вмешался Суконкин, – для нас-то какая разница, будет война или нет? Не смотри на кличку, смотри на птичку. Ведь город наш, нет слов, всем хорош, но вы и сами понимаете, что стратегического значения он не имеет.

Я ждал, что сейчас он непременно произнесет фразу: «Отсюда хоть три года скачи – ни до какого государства не доскачешь», но тут заговорил исправник:

– Будем благоразумны, господа... При чем тут наш город? Все началось с пассажира, который выпал из поезда. И в телеграмме говорится именно о нем.

– Если только это не предлог для... – хмуро начал Щукин.

– Кто такой Багратионов? – спросил брендмейстер.

– Начальник особой службы, – подал голос Былинкин.

Наверное, взрыв бомбы и то не произвел бы такого эффекта, как его слова. Присутствующие все как один побледнели лицами и даже, по-моему, несколько уменьшились в росте.

– Значит, все-таки война... – благоговейно выдохнул Григорий Никанорович.

– А, да полно, вздор! – нетерпеливо вскричал Шукин, дергая шеей, словно воротничок вдруг сделался ему нестерпимо узок. – Пропал же не взвод, не батальон, не армия, а единственный человек. Только – один – человек! И вся канитель началась именно из-за него? Нет, вы как хотите, но тут что-то нечисто, по-моему.

– Люди, Венедикт Палыч, тоже разные бывают, – рассудительно заметил Суконкин. – Из одной клетки, да не равны детки, вот в чем дело. Пропади вы или я, никакой генерал об том не беспокоился бы. Значит, пропавший – важная персона.

– А что, если он их сотрудник? – внезапно спросил Григорий Никанорович.

– Сотруд... – Шукин не закончил слова, которое словно стало ему поперек горла.

– Да, сотрудник. И, может, тут замешаны высокие интересы, которых ни вы, ни я знать не можем. Он ехал в поезде, Аполлинарий Евграфыч уверяет, что его пытались убить, выбросили из вагона, а тело потом где-то спрятали... Все сходится, господа!

Я бы предпочел, чтобы обо мне не вспоминали, но после слов Рязского все присутствующие в который раз вцепились в меня и стали требовать подробностей. Как выглядел Петровский? Походил ли он на важную персону? Не заметил ли я при нем чего-нибудь особенного? Точно ли он был мертв? Не успел ли он перед смертью сделать мне каких-либо признаний?

Нет, не успел. Нет, никакого особенного впечатления он на меня не произвел. Обыкновенный неказистый рыжеватый человечек, только и всего. И вообще, если бы мне пришлось искать шпиона, на Петровского я бы подумал на последнего, что он может им быть.

– Не имеет значения, голубчик, что вы там себе думаете, – медовым голосом вернул Григорий Никанорович. – Ясно одно: человек он был значительный, раз его не поленились убить, а труп затем тщательно спрятать.

Я вскинул на него глаза и не преминул напомнить:

– А ведь именно вы не так давно утверждали, что он обыкновенный пьяница.

Но исправник уже не слушал меня. Он взял телеграмму и тщательно перечитал ее.

– «Ничего не предпринимать приезда Корф, – сказал он вслух. – Корф, Корф... Интересно, кто такой?

– Фамилия весьма известная, – заметил Суконкин, наливая себе стакан воды из графина. – Кто-то из Корфов даже учился вместе с Александром Сергеевичем Пушкиным.

– Нас больше интересуют те Корфы, которые ближе к нам по времени, – отозвался Шукин, валясь в кресло и расстегивая мундир. Только сейчас я заметил, что городской голова был весь в поту, а его узкие губы стянулись в ниточку. – О них что-нибудь известно?

– Как же, как же, – радостно встрял Былинкин. – Генерал Михаил Петрович Корф, ныне в отставке. И его сын Александр Михайлович, флигель-адъютант его императорского величества.

Суконкин, мирно пивший воду, поперхнулся и отчаянно закашлялся. Городской голова мрачно посмотрел на секретаря.

– Я, Никита Егорыч, поражаюсь: откуда у вас такие точные сведения? И про Багратионова вам все известно, и про Корфов...

– Так ведь все от чтения-с, – застенчиво признался Былинкин. – На досуге, знаете ли, частенько «Придворный календарь» перелистываю. Люблю возвышенное чтение.

Шукин вздернул узенькие, как бы молюю траченные брови и, покрутивши выразительно головой, послал красноречивый взгляд Рязскому.

– Ну, если дело дошло до флигель-адъютанта, я пас, – заявил голова.

– Думаете, он и прибудет? – усомнился Рязский.

– Что я думаю, что я думаю... – нараспев проговорил Щукин. – Я думаю, как бы не вышло чего-нибудь скверного. Для нас. И вообще, – неопределенно закончил он.

Григорий Никанорович нахмурился.

– Полагаете, нас можно будет в чем-то упрекнуть?

– Гм, – ответил голова и поглядел в окно.

Исправник побарабанил пальцами по столу.

– Лично я намерен оказывать этому Корфу всяческое содействие.

– А у вас и выхода другого нет, – сладко ответил Венедикт Павлович. – Только смотрите, как бы с вас не спросили из-за пропавшего тела. Если и впрямь погиб их человек, такая кутерьма может подняться...

– Я сделал все, что было в моих силах, – уже сердито сказал Ряжский.

– Я и не спорю, – кротко молвил Щукин. – Главное, чтобы господин Корф в то же самое поверил.

– Действия моего подчиненного в столь щекотливом деле, – заявил Григорий Никанорович, – были выше всяких похвал. Не говоря уже о его расторопности, ибо он очутился на месте преступления, когда тело еще не остыло.

– Вот-вот, – согласился Щукин. – Расторопность, говорите... Что ж, замечательно. Кстати, хотел вам заметить, ведь Корф явится сюда... Вы бы на всякий случай пыль стряхнули с государева портрета, а то он у вас чуть ли не в паутине.

Ряжский покосился на портрет императора и сурово кашлянул:

– Былинкин, займитесь... А вы, Аполлинарий Евграфович... Я хотел спросить, когда вы наконец подадите мне рапорт? По поводу Петровского.

– Я, Григорий Никанорович... – начал я.

– Со всеми подробностями! Чтобы завтра к утру был у меня на столе!

Щукин поднялся с места.

– Да-с, Григорий Никанорович, дорогой... Главное – порядок. Да! – Городской голова извлек из жилетного кармана часы и взглянул на них. – Эге, никак девятый час... Анна Павловна уже недоумевает, куда я мог деться. Антон Фаддеич! Вас подвезти?

– С превеликим удовольствием, – отозвался брандмейстер. – Вечернего виста, я так понимаю, больше не будет? Делу время, потехе час, так сказать... До свидания, Григорий Никанорыч.

– До свидания, Антон Фаддеич... Доброй ночи, господа.

Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял урядник Онофриев.

– Аполлинарий Евграфович! Вас там дама спрашивает. Говорит, срочно. Впустить?

– Дама? – в некотором ошеломлении повторил Щукин.

– Дама? – вторил ему пораженный Ряжский.

А дама уже стояла за спиной урядника.

ГЛАВА XII

– Bonsoir, messieurs! Bonsoir, monsieur Apollinaire! Je vous ai apporté les livres que vous avez demandés...³⁴

Изабель Плесси сияла. Переполох, который произвело ее появление, она приняла на свой счет самым лестным образом и теперь улыбалась мне, улыбалась Былинкину, одновременно протягивала руку для поцелуя Ряжскому, на которого бывшая гувернантка определенно произвела самое положительное впечатление, и успевала стрелкнуть глазами в брандмейстера, который смотрел на нее, открыв рот. В левой руке Изабель держала, прижимая к себе, пачку книг, в заглавиях которых были сплошные мистерии и тайны.

– Кто это, Аполлинарий Евграфович? – с недоумением спросил Щукин, обращаясь ко мне.

В двух словах я объяснил ему суть дела.

– А, ваша невеста! – воскликнул Былинкин. – Очень, очень привлекательная особа!

И в свой черед припал к ее руке.

– Вообще-то она мне не невеста, – сердито сказал я. – Мы только сегодня с ней познакомились.

– Толкуйте, толкуйте! – проворчал Щукин. – А то я, признаться, грешным делом уже решил, что господин Корф явился по нашу душу.

От избытка чувств Былинкин, должно быть, слишком стиснул руку богатой наследнице, потому что она пискнула, взмахнула второй рукой, в которой держала книги, да так неловко, что одна из книг угодила в графин на столе исправника и опрокинула его.

– Ах, черт! – воскликнул Ряжский, бросаясь обратно к столу. – Бумаги!

– Ах, какой я неловкий! – простонала Изабель, глядя на учиненный ею разгром.

Мы с Былинкиным бросились спасать бумаги. Француженка поспешила нам на помощь и прежде всего уронила на ковер чернильницу.

– Ах! – пролепетала Изабель, хватаясь за голову.

– Ничего, ничего, – сипел Былинкин, – сейчас мы чернила затрем... остороженько...

От его движений чернильная лужа на ковре стала еще шире. Ряжский, глядя на его действия, только покачал головой.

– Пропал ковер, – сказал Суконкин. – Был да сплыл.

– Похоже на то, – согласился Щукин. – Ну-с, Григорий Никанорович, как только господин Корф объявится, дайте мне знать. Смерть как любопытно, что же в самом деле им надо.

Он удалился вместе со своим приятелем брандмейстером, а мы попытались привести кабинет в порядок. Подбирая с пола книги, Изабель стала коленом в чернильную лужу.

– Мадемуазель, – простонал Былинкин, – *votre robe*...³⁵

– Ах, ничего, – ответила она по-французски, мельком взглянув на пятно. – Куплю другое!

Затем поправила очки и победно воззрилась на нас. Ряжский перебирал на столе спасенные бумаги.

– Ради бога, простите, Григорий Никанорович, – начал я. – Я и в мыслях не имел, что она может прийти сюда.

– Боже мой, какие пустяки, – отмахнулся он, и тут же морщинка озабоченности прорезала его переносицу. – Телеграмма! Секретная! Где она?

Былинкин нырнул под стол, я стал смотреть под креслами, не обратив внимания на то, что мадемуазель Плесси держит в руках какой-то листок и с любопытством разглядывает его.

³⁴ Добрый вечер, господа! Добрый вечер, месье Аполлинарий! Я вам принесла книги, которые вы просили (*франц.*).

³⁵ Ваше платье (*франц.*).

– Что тут у вас, мадемуазель? – спросил Ряжский, подходя ближе. – О, пардон! Это мое. Она с улыбкой отдала ему листок, который держала вверх ногами.

– Нашел, – сообщил Ряжский, поворачиваясь к нам. – Никита Егорыч! Что вы все там елозите по коврику? Бросьте, завтра же я велю постелить другой ковер. По поводу портрета я вам уже сказал. Насчет доклада вы, Аполлинарий Евграфыч, тоже предупреждены. Надеюсь, ваши личные дела вас не слишком отвлекут! – И покосился на Изабель, которая стояла, держа в руках книжки, и переводила взгляд с одного на другого.

– Григорий Никанорович...

– Да ну что вы, голубчик, я совершенно на вас не сержусь. И на вашу мадемуазель – тоже. В конце концов, ковер давно было пора менять. – Ряжский посмотрел на часы и нахмурился. – Ого! Так, господа, пора по домам. Не исключено, что завтра у нас будет важный визитер... вы в курсе, кто. – Он подошел к окну и озабоченно взгляделся в темнеющую улицу. – Так я и знал! Половина фонарей не горит. Безобразие! Надо бы сказать, чтобы с завтрашнего дня была полная иллюминация, а то господин Корф может принять нас за каких-нибудь провинциальных медведей. Со столичными нужно держать ухо востро. До завтра, господа! До свидания, мадемуазель Плесси! Надеюсь, у нас еще будет случай познакомиться поближе. – Исправник приосанился и разгладил усы.

* * *

Мы шли с Изабель по окутанной сумерками улице, и теплый ветер дул нам в лицо.

– Мой экипаж неподалеку, – сказала Изабель по-французски. – Если хотите, мы доедем быстро.

– Нет, благодарю, – довольно сухо ответил я. – Я предпочитаю пройтись.

– Тогда подождите...

Она подошла к кучеру, дремлющему на козлах, и сказала ему несколько фраз. Зевая, Аркадий кивнул и стегнул лошадь, которая мерно затрусила вверх по улице.

– Я пойти вместе с вами, – объявила по-русски Изабель, вернувшись. – Есть хорошо?

В полном молчании мы дошли до площади императора Александра Освободителя.

– Вы так и не взяли книги, – напомнила Изабель, вновь переходя на русский язык, когда молчать стало уже совсем невмоготу.

Досадуя на себя, я забрал из ее рук томики.

– Спасибо.

– Вы не в духе? – тревожно спросила она.

– Нет, что вы!

Фальшь моего тона не обманула бы даже младенца. Но Изабель сделала вид, что верит мне.

– Вы знаете, Аполлинер, я собираюсь здесь задержаться. – Она собралась с духом. – Так что вы можете читать книги сколько захотите.

Похоже, подозрения городка N по поводу моей предполагаемой женитьбы были вовсе не так беспочвенны, как могло показаться на первый взгляд. По крайней мере, Изабель явно вела себя, как персона заинтересованная (выражаясь языком великосветских романов). Однако то, что объектом ее привязанности выступал именно я, меня, признаться, не устраивало. Не то чтобы она мне совсем не нравилась – просто ее напор меня, по правде говоря, отпугивал.

Ну вот, написал последнюю фразу и почувствовал себя дурак дураком. А впрочем, кому какая разница? Все равно никто никогда не прочтет эти записки, так о чем мне беспокоиться...

Я неловко поблагодарил Изабель за книги. Она оживилась и тотчас же сообщила мне, что у нее «очень, очень много книг» и она готова давать их мне, как только я пожелаю. По счастью, вскоре разговор принял иное направление.

– Скажите, а тот высокий мужчина с усами – начальник полиции города?

Я подтвердил, что это так.

– О! Мне всегда так нравились мужчины в мундирах! – воскликнула она простодушно.

Мысленно я попытался представить себе, какой мадемуазель Плесси будет женой, и поневоле был вынужден прийти к выводу, что ее муж, кем бы он ни был, вскоре оказался бы у нас по обвинению в женоубийстве. Конечно, она была добра, великодушна и по-своему очень мила, но вместе с тем совершенно невыносима.

Я проводил мадемуазель Плесси до «Уголка для проезжающих», где она остановилась, и отправился к себе, благо мой дом располагался по соседству. Мне еще надо было писать для Рязского отчет, чтобы столичный ревизор, неведомый господин Корф, мог увидеть, что дела в N ведутся в образцовом порядке, и чтобы Григорий Никанорович имел повод лишний раз похвастаться расторопностью своих служащих.

Уже перед самым отходом ко сну, раздеваясь, я вынул из кармана кошелек, желая убедиться, что оставшейся в нем мелочи мне хватит на хлеб до конца недели. Однако при этом движении какая-то радужная бумажка выпорхнула из кармана и плавно приземлилась на пол. В некотором удивлении я поднял ее.

То была сторублевая ассигнация.

* * *

– Говорю вам, она уже легла!

– Но, Марья Петровна, мне необходимо с ней поговорить!

– Ах, какие вы нынче нетерпеливые, право! – Владелица «Уголка для проезжающих» наконец пустила меня внутрь.

Не дожидаясь ее, я взбежал по лестнице и постучал в номер. Через минуту за дверью послышалось движение.

– Qui est là?³⁶ – спросил заспанный голос, несомненно, принадлежавший мадемуазель Плесси.

– Police³⁷, – сухо ответил я.

– Ah, mon Dieu!³⁸

Однако дверь тотчас распахнулась, и передо мной предстала мадемуазель Плесси с папильотками в волосах, зевающая во весь рот и кое-как прилаживающая на нос очки.

– Ах, это вы, месье Аполлинер! – тотчас же расплылась она в улыбке. – Что-нибудь случилось? Вам не понравились мои книги?

– Сударыня, – кипя от бешенства, начал я, – должен сказать, что я не привык, когда со мной обращаются таким образом! Вот ваши деньги, возьмите их, мне ничего не надо.

– Какие деньги? – изумилась мадемуазель Плесси, вытаращившись на меня. – О чем вы, месье?

Ее изумление было так искренно, что я заколебался.

– Разве не вы положили мне их в карман?

– Я?

Уже более спокойным тоном я объяснил, что случилось, ловя в лице Изабель хоть какие-то признаки того, что купюру положила мне в карман она. Однако реакция француженки поразила меня. Едва узнав, в чем я ее обвиняю, она разинула рот, отшатнулась и надменно выпрямилась. Если бы не папильотки на голове, она бы выглядела почти устрашающе.

³⁶ Кто там? (франц.)

³⁷ Полиция (франц.).

³⁸ Ах, боже мой! (франц.)

– Это возмутительно, месье! – заверещала она так, что ее было слышно не только во всех номерах «Уголка», но и, наверное, возле полицейского управления. – Вы обвиняете меня в... в... бог весть чем! К вашему сведению, я никогда не платила мужчинам и не собираюсь и впредь! Вот так!

И, разгневанно выпятив подбородок, мадемуазель Плесси холодно кивнула мне и с грохотом захлопнула дверь перед моим носом.

ГЛАВА XIII

Поразительное дело: когда я на следующее утро явился на службу, секретарь Былинкин был уже там.

Он смотрел на меня преданным взглядом сообщника, который совсем недавно помогал матерому злодею – то есть мне – прятать труп очередной загубленной мною жертвы. В его восторженном лице, в суетливых манерах проглядывалось нечто вроде намека на тайну, которая связывала нас обоих. Я упомянул о намеке, но, по правде говоря, мимика и движения его были настолько красноречивы, что даже самый неискушенный человек, глядя на нас, заподозрил бы неладное.

Былинкин сообщил, что Григорий Никанорович с самого утра приводит в порядок дела, чтобы предстать перед заезжей столичной особой во всеоружии. Кроме того, я даже не сразу заметил, пол в управлении сверкал чистотой и на дверях кое-где были приделаны новые ручки.

– Да, вы же знаете, – сказал Былинкин (он такой фразой обыкновенно предварял каждую городскую сплетню, до которых был большой охотник), – Старикова-то отпустили!

Известие поразило меня до глубины души.

– Отпустили? Как? Почему? Анна Львовна забрала свою жалобу?

– Ничуть нет, – ужасно гордясь собой, отозвался Былинкин. – Только сегодня пришла телеграмма от губернатора, что мы тут занимаемся попустительством беззаконию, коего он-де не потерпит. Ну-с, Григорий Никанорович и струхнул маленько.

– От губернатора?

– Да-с, да-с, – самодовольно отвечал секретарь. – Все-таки, как ни крути, помещик, да еще дворянский предводитель, хоть и бывший – не мелкая сошка. Конечно, у Старикова остались друзья, есть кому за него заступиться.

– Должно быть, Веневитиновы будут жутко недовольны, – пробормотал я.

– Вне всяких сомнений, Аполлинарий Евграфович. Кстати, собираетесь завтра быть на торжестве?

– На каком торжестве? – машинально ответил я.

Былинкин изумился так, что его брови чуть не воссоединились с нафиксатуаренными прядями на макушке.

– Как на каком? На свадьбе Елены Веневитиновой и Максима Иваныча Аверинцева. Гостей, говорят, съехалось – человек сто, не меньше.

– Нет, меня не пригласили, – сухо ответил я. – Да я все равно бы и не пошел.

– Понимаем-с, понимаем-с, – вздохнул Былинкин и голову набок склонил, как ученый попугай. – Говорят, вы с невестой своей поссорились. Правда?

Тут, признаться, я вскипел.

– Мадемуазель Плесси мне не невеста и никогда ею не была, – раздраженно отчеканил я. – А теперь простите, мне надо работать.

Былинкин повздыхал еще для приличия, потомился в дверях и вышел, растворясь в золотом свете – уже второй день стояла ясная, солнечная погода. Я снял очки и стал протирать их.

«Провинция, черт бы ее подрал... Только и развлечений, что сводничать да следить за соседями, что они делают да как живут. Надо будет вернуть мадемуазель Плесси ее книги и прекратить двусмысленное общение. Некоторым действительно деньги ударяют в голову... Сначала она купила экипаж вместе с кучером, а потом, пожалуй, захочет и мужа купить. – Я поморщился. – Наверняка все же именно она подсунула мне сторублевку – увидела, когда я расплачивался, что в кошельке у меня ничего не осталось. Хотя она так искренне удивилась... А впрочем, вздор. Разве можно верить женщине?»

Мои размышления прервал стук в дверь.

– Войдите! – крикнул я и хотел надеть очки, но чуть не уронил их на стол. Потому что в кабинет вплыло темно-красное шуршащее пятно и остановилось у порога.

– Я баронесса Амалия Корф. Вас должны были известить о моем прибытии. Меня при-
слали сюда по делу Петровского.

И, услышав голос, я едва не уронил очки вторично.

* * *

Государь император, очищенный от паутины, с любопытством поглядывает на нас с портрета. В окна ломится летний день и доносятся крики мальчишек, продающих газеты. На лице Ряжского написано смущение, и если бы я был беллетристом, то непременно отметил бы, что написано оно там большими буквами.

– Гхм... Амалия... простите, не знаю вашего отчества...

– Просто баронесса Корф, – отозвалась она, снимая перчатки. – Итак?

Всего несколько слов, и Ряжский повержен. В такое трудно поверить, но непотопляемый исправник прострелен от борта до борта и медленно идет ко дну. И виною тому – красивая спокойная блондинка с глазами цвета ржавчины, источающая нескрываемое высокомерие. А голос, боже мой! Металлический, леденящий...

Нет, не нравится мне баронесса Корф. Совсем не нравится.

– Мы только вчера получили телеграмму о вашем прибытии... – пытается выиграть время исправник.

– Разумеется, – спокойно соглашается она, – вы должны были ее получить... я так думаю. Однако к делу, господа. Должна признаться, у меня не очень много времени, так что дорога каждая минута. Итак, кто из ваших людей нашел тело?

Ряжский засуетился, представил меня госпоже баронессе и упомянул о моей роли во всей истории. Ржавые глаза обратились на меня.

– Значит, Аполлинарий Марсильяк – это вы?

– Аполлинарий Евграфович, – зачем-то уточняю я.

– Хотелось бы поподробнее услышать обо всем.

– У меня тут есть отчет... – пытается некстати встрять Ряжский.

Легкий жест рукой. И Григорий Никанорович сдувается, как проколотый воздушный шарик. Однако стоит признать, что неведомый генерал Багратионов умеет подбирать себе людей...

– Все отчеты потом. Сейчас я хотела бы послушать месье Марсильяка.

Я рассказываю о том, как заблудился в лесу и случайно вышел к железной дороге. Баронесса задумчиво щурится.

– Так, так... Любопытно. Позволительно ли мне будет спросить, что именно вы делали в лесу?

Григорий Никанорович бросает на меня умоляющий взгляд. Но что толку слушать того, кто уже коснулся дна? И я рассказываю нашей великолепно одетой гостье о злодейском умерщвлении собаки Жужу.

– Ах вот оно что... – протягивает Амалия. – Стало быть, у вас есть время и на подобную чепуху? Занятно. Продолжайте, прошу вас.

Я рассказываю о Петровском. Исправник сидит нахохлившись. Вряд ли, конечно, он простит мне, что я вывел его перед столичной персоной в таком комическом виде, но мне все равно, что именно он обо мне думает.

– Откуда вы узнали, что погибший – именно Петровский? – хмуро спрашивает баронесса.

– При нем был паспорт. – И прежде, чем она протягивает руку, я уже лезу в карман.

Амалия Корф бегло просмотрела документ, и непонятная улыбка тронула углы ее губ.

– Что ж, замечательно... Великолепно. Что еще вы обнаружили на труп?

Я перечисляю. Программка цирка... Записка от какой-то Китти... Зубочистки... Кольцо на мизинце... Баронесса задумчиво смотрит на меня, и ее взгляд нравится мне еще меньше, чем она сама.

– Скажите, – раздумчиво спрашивает она, – вы не обнаружили больше никаких бумаг?

– Например? – удивленно спрашиваю я.

– Каких-нибудь, – загадочно отвечает она. – Вспомните, это очень важно.

Ряжский бросает на меня огненный взгляд, торопя с ответом. Я смотрю в свою записную книжку, куда занес детали происшествия, роюсь в памяти...

– Нет, ничего такого при нем не было.

– Вы уверены?

– Абсолютно уверен.

– А что, при Петровском должно было находиться что-то важное? – подает голос изнывающий от желания помочь Григорий Никанорович.

– Как вам сказать... – неопределенно отвечает Амалия и, внезапно сорвавшись с места, бросается к двери. Рывком распахнув ее, обнаруживает за ней секретаря Былинкина. Исправник, побагровев, срывается с места.

– Никита Егорыч! – рычит он. – Вон!

– Я... я т-только б-бумаги н-нес... – лепечет секретарь, заикаясь на каждом слове.

– Вон, я сказал! – генеральским голосом гремит Ряжский. – И чтоб духу вашего здесь не было!

Былинкин в ужасе уносится прочь. Амалия выглядывает в коридор и, поплотнее затворив дверь, возвращается к нам.

– Любопытные у вас сотрудники, – холодно замечает она. – Значит, чертежей вы не нашли?

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы осмыслить ее вопрос.

– Чертежей? У Петровского были при себе чертежи?

– Мы так предполагаем, – спокойно ответила баронесса. – Восемь чертежей на голубой бумаге, с надписью «Направлено на утверждение» в правом верхнем углу. Нет? Не припоминаете?

Я качаю головой.

– Уверяю вас, баронесса, если бы что-то такое было, я бы ни за что не пропустил... Но у Петровского никаких чертежей не имелось.

– Жаль, – вздохнула баронесса Корф, глядя на меня непроницаемыми ржавыми глазами. – Потому что от них зависит спокойствие Российской империи. – Она поморщилась. – Конечно, вы ни в чем не виноваты. В конце концов, Петровский был не настолько глуп, чтобы носить при себе подобные документы... – Она поднялась с места. – А теперь, господа, с вашего позволения я хотела бы осмотреть тело. Паспорт – это, конечно, прекрасно, но в данный момент он совершенно меня не интересует.

Исправник в ужасе посмотрел на меня, ища поддержки. В глазах его плескалась паника.

– В чем дело, господа? – осведомилась Амалия, учуяв неладное.

– Баронесса, простите нас, – срывающимся голосом начал Ряжский. – Дело в том, что... – Он собрался с духом. – Дело в том, что тела нет. Оно исчезло! Верите ли, мы бьемся над загадкой его исчезновения уже третий день. Не так ли, Аполлинарий Евграфович?

ГЛАВА XIV

Буду откровенен. Почти все мы, смертные, за малым исключением, – люди суетные, злопамятные и мстительные. Едва ли найдется такой человек, который не мечтал бы присутствовать при позоре или унижении своего врага, и в то же время – хвала милосердному богу – немногие из нас могут похвастаться тем, что воочию увидели осуществление своей мечты. Выше, помнится, я уже упоминал, что не питаю симпатии к исправнику, и, по логике вещей, меня должно было обрадовать то поношение, которому он подвергся после своего злосчастного признания. О нет, баронесса Корф не произнесла вслух ни единого бранного слова – она была слишком хорошо воспитана, а потому не стала распекать провинившегося Григория Никаноровича. По крайней мере, столь рьяно, чтобы с потолка посыпались куски штукатурки и в рамках задрожали стекла. Однако каждое слово, ею произнесенное, было так напитано ядом, она так жалила, язвила и колола бедного Ряжского, что он краснел, бледнел, синел, лиловел, рассыпался в извинениях, клялся немедленно исправиться. Зрелище было настолько жалким, настолько унижительным, слова моего начальника казались таким детским лепетом, что я, случайно оказавшийся свидетелем сей словесной экзекуции, не знал, куда деться от стыда. Может быть, Ряжский и нечист на руку, может быть, слишком неумен при всех своих претензиях на ум, но он явно не заслуживал того, чтобы с ним обошлись подобным образом. Его вина заключалась разве что в излишнем легкомыслии, а между тем его прямо-таки приставили к позорному столбу. Послушать приезжую баронессу, так казалось, что в своей жизни (судя по всему, богатой событиями) она положительно не встречала никого хуже Григория Никаноровича.

– Поразительно, просто поразительно! В то время как все лучшие силы империи брошены на поиски чертежей, от которых, может быть, зависит даже спокойствие царствующего Дома, – при этих словах баронессы Ряжский позеленел и, вытянувшись в струнку, метнул умоляющий взгляд на портрет, словно призывая его в свидетели своей лояльности, – когда все мы сбились с ног, пытаясь отыскать хоть какой-то след, господ в благословенном городе N занимаются тем, что решают невероятно сложную головоломку. Скажите, пожалуйста! Убита собака, что, оказывается, важнее спокойствия империи! – На Ряжского было страшно глядеть. – Ах, господ, господ, – промолвила баронесса с укоризной, – как же вы меня разочаровали!

Исправник произнес множество бессвязных слов о том, что он всегда... готов искупить кровью... и жизнь свою принести на алтарь отечества... Но баронесса Корф только покачала головой.

– Довольно вздора, – сухо сказала она, и ее ржавые глаза угрожающе сузились. – Итак! Мне нужно тело. Я разумею, тело человека, который вам известен как Петровский. В вашу задачу, коль скоро именно вы упустили его, входит отыскать труп как можно скорее. Мобилизуйте все силы, зовите на подмогу кого хотите, но чтобы самое большее к завтрашнему дню Петровский – был – найден! – В такт своим словам она отстукивала по столу тонкой рукой. – Кто бы ни прятал тело, далеко его все равно увезти не могли. Обыщите лес, дома, обшарьте все вокруг, объявите награду тому, кто укажет хоть какую-то зацепку. – Исправник стоял перед нею, вытянув руки по швам, и глядел на баронессу с суеверным ужасом. – Действуйте! И помните, что на карту поставлено слишком многое. Если вы поможет мне отыскать пропавшие чертежи, ваше имя, возможно, будет упомянуто в докладе на высочайшее имя, а если не справитесь, тогда... Тогда оно все равно будет упомянуто, но в совершенно ином контексте. Сейчас реже ссылают в Сибирь, но все-таки ссылают, господин Ряжский. О чем и рекомендую вам не забывать.

То ли упоминание о Сибири так подействовало на бедного Григория Никаноровича, то ли он уже не чаял обратиться живым из своего кабинета, но исправник поспешно бросился к двери,

впопыхах стукнулся о створку, крикнул на прощание, что сделает все как надо, и выскочил за дверь как ошпаренный. Баронесса Корф только покачала головой.

– А вы? – холодно спросила она. – Чего вы ждете?

Чем дальше, тем больше мне не нравилась эта особа, и я решил во что бы то ни стало поставить ее на место.

– Сударыня, – не менее холодно ответил я, – попросил бы вас не забывать, что я нахожусь на государственной службе и вовсе не заслужил того, чтобы со мной обращались, как с лакеем.

– К вашему сведению, сударь, я тоже нахожусь на государственной службе, – парировала неприятная особа. – И моя служба будет поважнее вашей!

У меня на языке вертелся резкий ответ – мол, петербургские дамы, прежде считавшиеся самыми воспитанными, должно быть, изрядно деградировали, – но тут дверь отворилась, и на пороге показалась улыбающаяся во весь рот мадемуазель Плесси. Сегодня на ней было новое платье, сиреневого оттенка, а в руке мадемуазель держала веер и кокетливо обмахивалась им.

– О, я так и знала, что найти вас здесь! – объявила она. Тут взгляд Изабель упал на столичную визитершу, и француженка слегка нахмурилась: – Я вам помешать? Это ваш невеста?

Чем дальше, тем больше у меня становилось невест. Но, по правде говоря, я бы сто раз предпочел Изабель с ее смешными ужимками столичной гостье с ее стальными интонациями и неприятными глазами. Тем не менее я представил дам друг другу. От меня не укрылось, что бывшая гувернантка так и впилась в Амалию Корф неприязненным взглядом. Даже веер чаще обычного заколебался в ее руке. Свободной рукой она вцепилась в мой локоть, и, в то время как Изабель произносила требуемые приличиями банальные любезности, рука ее потихоньку отодвигала меня все дальше и дальше от баронессы. Невольно я поразился: неужели мадемуазель Плесси ревнует меня?

– Вы надолго в N? – спросила Изабель.

– Как придется, – уклончиво ответила госпожа Корф. Само собою, о ее миссии я не сказал Изабель ни слова.

– Трудно быть далеко от дом, – вздохнула мадемуазель Плесси, и ее взгляд затуманился.

– О, да, – вежливо откликнулась баронесса.

Вернулся Ряжский и с сияющим видом сообщил, что все готово. Городовые, полицейские и пожарные – все отправлены прочесывать местность.

– Пожалуй, я поеду с вами, – сказала баронесса Корф. – Вы будете руководить поисками, а я прослежу, чтобы ваши люди чего-нибудь не упустили. Едем!

Григорий Никанорович, слегка смутившись, объявил, что он очень польщен, и тут же переключился на меня:

– Аполлинарий Евграфович, голубчик, а вы-то что? Немедленно езжайте, я вам там в подмогу Онофриева с Соболевым выделил. Осмотрите лес, вдруг он там окажется, покойничек наш... И не мешкайте! Мое почтение, мадемуазель, – отнесся он уже к Изабель. – Прошу нас извинить – дела, дела...

И стал обсуждать с баронессой Корф диспозицию предстоящих поисков.

* * *

Лес, пронизанный солнцем, томительно хорош. В золотых столбах света вьется мошकारа и пляшут пылинки, ветер тихонько шевелит листья деревьев. Где-то на верхушке сосны долбит дятел, остановится, передохнет – и вновь принимается долбить. Заливаются птицы... А вот любопытный красный мухомор, весь в белых веснушках, высовывает свою шляпку из-под прошлогодних листьев. Какой-то юркий зверек перебежал тропинку перед нами так быстро, что мы не успели даже разобрать, кто это был. Белка? Барсук?

– Я люблю лес, – объявила Изабель в шестой или седьмой раз с тех пор, как мы покинули N.

Если вы полагаете, что упоминание о служебной надобности могло остановить настырную француженку, то глубоко заблуждаетесь. Перво-наперво она объявила, что пришла ко мне, чтобы попросить прощения за вчерашнее. Вчера вечером, по ее словам, она превратно истолковала мои намерения (румянец на щеках, стыдливый смешок из-под веера). Тут я не выдержал и сказал, что если уж кому и надо извиняться, так все-таки мне. Ничуть, возразила мадемуазель Плесси, она виновата не меньше моего. Конечно, продолжала она, я изобрел довольно странный предлог, чтобы повидать ее, но...

Тут земля стала уходить у меня из-под ног, я объявил, что мне надо отлучиться на минутку, и позорно сбежал. Урядник Онофриев и пожарный Соболев – два самых никчемных человека в городе – уже ожидали моих указаний. Я объяснил, что нам отводится лес, где мы должны отыскать хоть какие-нибудь следы беглого трупа. На том и порешили, однако выяснилось, что всех казенных лошадей уже разобрали, и нам предстояло тащиться до места пешком, что нам вовсе не улыбалось. По счастью, выручила нас... ну да, мадемуазель Плесси, объявившая, что ее экипаж в нашем распоряжении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.